А. ВАНДАМЪ

НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1912

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ классификаціи военныхъ знаній искусство вести бой называется тактикою, а искусство вести войну—высшею тактикою или стратегіей. Но какъ бой представляетъ собою только одинъ изъ скоротечныхъ актовъ длящейся обыкновенно годами войны, такъ и война есть не что иное какъ кратковременный актъ никогда не прекращающейся борьбы за жизнь.

Отсюда логически слѣдуетъ, что для веденія борьбы за жизнь необходимо особое искусство—высшая стратегія или политика.

Въ чемъ заключается это искусство и есть ли у насъ оно—читатели

поймутъ сами изъ этого маленькаго труда, представляющаго собою лишь легкую царапину на дѣвственной и безотлагательно требующей разработки почвѣ русской политической мысли.

А. Вандамъ.

6 августа 1912 г.
С.-Петербургъ.

I.

Несмотря на большіе размѣры своей территоріи, Русскій народъ, по сравненію съ другими народами бѣлой расы, находится въ наименѣе благопріятныхъ для жизни условіяхъ:

Страшные зимніе холода и свойственныя только сѣверному климату распутицы накладываютъ на его дѣятельность такія оковы, тяжесть которыхъ совершенно незнакома жителямъ умѣреннаго Запада. Затѣмъ, не имѣя доступа къ теплымъ наружнымъ морямъ, служащимъ продолженіемъ внутреннихъ дорогъ, онъ испытываетъ серьезныя затрудненія въ вывозѣ за границу своихъ издѣлій, что сильно тормозитъ развитіе его промышленности и внѣшней торговли и, такимъ образомъ, отнимаетъ у него главнѣйшій источникъ народнаго богатства. Короче говоря, своимъ географи-

ческимъ положеніемъ Русскій народъ обреченъ на замкнутое, бѣдное, а вслѣдствіе этого и неудовлетворенное существованіе.

Неудовлетворенность его выразилась въ никогда не ослабѣвавшемъ въ народныхъ массахъ инстинктивномъ стремленіи «къ солнцу и теплой водѣ», а послѣднее въ свою очередь совершенно ясно опредѣлило положеніе русскаго государства на театрѣ борьбы за жизнь:

Упираясь тыломъ въ льды Сѣвернаго океана, правымъ флангомъ въ полузакрытое Балтійское море и во владѣнія Германіи и Австріи, а лѣвымъ въ мало пригодныя для плаванія части Тихаго океана, Великая Сѣверная Держава имѣетъ не три, какъ это обыкновенно считается у насъ, а всего лишь одинъ фронтъ, обращенный къ югу и простирающійся отъ устьевъ Дуная до Камчатки.

Такъ какъ противъ середины фронта лежатъ пустыни Монголіи и Восточнаго Туркестана, то наше движеніе къ югу должно было идти не по всей линіи фронта, а флангами и преимущественно ближай-

шимъ къ центру государственнаго могущества правымъ флангомъ, наступая которымъ черезъ Черное море и Кавказъ къ Средиземному морю и черезъ Среднюю Азію къ Персидскому заливу, мы, въ случаѣ успѣха, сразу же выходили бы на величайшій изъ міровыхъ торговыхъ трактовъ—такъ называемый Суэцкій путь.

Но подобное рѣшеніе самаго важнаго изъ нашихъ государственныхъ вопросовъ не отвѣчало расчетамъ тиранически господствующихъ на морѣ и необычайно искусныхъ въ жизненной борьбѣ Англичанъ, а поэтому, несмотря на всѣ блестящія побѣды наши надъ Турками, Хивинцами, Туркменами и другими противниками на театрахъ военныхъ дѣйствій,—на театрѣ борьбы за жизнь весь правый флангъ нашъ въ концѣ концовъ потерпѣлъ неудачу: лѣвая колонна его была остановлена въ Мервѣ, средняя въ Карсѣ и Батумѣ, а самая сильная—правая, уже достигнувъ проливовъ, принуждена была повернуть назадъ и отойти къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря.

II.

Наступленіе нашего лѣваго фланга началось въ шестнадцатомъ столѣтіи походомъ Ермака на Сибирское царство. Одолѣвъ это единственное въ политическомъ смыслѣ препятствіе, смѣлая вольница наша потянулась одновременно и къ сѣверу, — куда манили ее слухи о большихъ богатствахъ — «рыбьяго зуба» (моржевыхъ клыковъ), и къ востоку, гдѣ дѣвственная тайга населена была драгоцѣннымъ пушнымъ звѣремъ, въ особенности вѣликолѣпнымъ сибирскимъ соболемъ. Въ погонѣ за этою добычею казаки добрались сначала до безграничныхъ пустынь Сѣвернаго ледовитаго океана, а затѣмъ, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, появились и на Камчаткѣ.

Полныя необычайнаго интереса вѣсти этихъ развѣдчиковъ, дойдя до слуха уже лежавшаго на смертномъ одрѣ Петра Великаго, вызвали приказъ о посылкѣ капитана Беринга для изслѣдованія сѣверной

части Тихаго океана и открытія показывавшагося во всѣхъ тогдашнихъ атласахъ мионическаго материка «Гамаланда».

Съ невѣроятными трудностями перевезя на вьюкахъ черезъ пустынную и бездорожную Сибирь всѣ грузы для снаряженія экспедиціи, Берингъ прибылъ на Камчатку, построилъ въ Авачинской губѣ двухпалубное судно и въ 1728 г. совершилъ на немъ свое первое плаваніе изъ Тихаго въ Сѣверный ледовитый океанъ черезъ названный его именемъ проливъ, но за туманомъ не видѣлъ американскаго берега.

Посланный затѣмъ вторично, онъ въ маѣ 1741 г. на двухъ небольшихъ судахъ, «Петрѣ» и «Павлѣ», пустился въ полную неизвѣстности ширь страшно негостепріимнаго въ сѣверныхъ широтахъ Тихаго океана. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ бурю и туманъ, суда потерялп другъ друга изъ вида и вынуждены были продолжать путь каждое само по себѣ. Въ іюлѣ оба они, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, подошли къ неизвѣстной землѣ. Такимъ образомъ сѣверная часть Тихаго океана была пройдена

и таинственный «Гамаландъ», оказавшійся сѣверо-западнымъ берегомъ Америки, открытъ былъ русскими мореплавателями.

На обратномъ пути претерпѣвавшій страшныя лишенія отъ недостатка продовольствія и прѣсной воды «Петръ» былъ выброшенъ бурею на лишенныя всякой древесной растительности скалы, получившія въ честь скончавшагося и похороненнаго на нихъ Беринга названіе Командорскихъ острововъ. «Павелъ» же подъ командою лейтенанта Чирикова благополучно прибылъ въ Петропавловскъ.

III.

Результаты этой замѣчательной экспедиціи были огромны. Вернувшіеся изъ плаванія люди разсказали, что «дальше за Камчаткою море усѣяно островами, за ними лежитъ твердая земля; вдоль береговъ тянутся плавучіе луга солянки, а на нихъ кишмя кишитъ всякій звѣрь, среди ко-

тораго есть одинъ—ни боберъ, ни выдра, больше и того и другой, мѣхъ богаче собольяго и одна шкурка стоитъ до 400 рублей».

Эта вѣсть точно кнутомъ хлестнула по воображенію сибирскихъ звѣропромышленниковъ. Открытіе Алеутскихъ острововъ и сѣверо-западной Америки явилось для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для искателей золота могло бы явиться нахожденіе новыхъ пріисковъ, состоящихъ изъ однихъ самородковъ. И вотъ вся промысловая Сибирь устремилась своими помыслами къ Тихому океану. Спустя всего лишь четыре года на Алеутскихъ островахъ работало уже семьдесятъ семь компаній, собиравшихъ съ моря ежегодно милліонную дань.

Привилегированное положеніе нашихъ промышленниковъ продолжалось нѣсколько десятковъ лѣтъ, но затѣмъ въ открытыхъ Русскими водахъ начали появляться иностранные соперники. Въ 1778 г. англійскій мореплаватель Кукъ нашелъ наконецъ дорогу въ русскую часть Тихаго океана. Вслѣдъ за нимъ пошли: Ванкуверъ изъ

Лондона, Миресъ изъ Остъ-Индіи, Квадра изъ Новой Испаніи. Съ другой стороны, обогнувъ мысъ Горнъ, направились туда же Кендрикъ, Грей, Ингрегамъ, Кулиджъ изъ Бостона и нѣсколько кораблей, зафрахтованныхъ Джономъ Асторомъ изъ Нью-Іорка.

Съ появленіемъ этихъ соперниковъ на промыслахъ началась настоящая вакханалія. Драгоцѣнный морской боберъ истреблялся, не разбирая ни самцовъ, ни самокъ, ни дѣтенышей. Не знавшіе до той поры ни рому, ни огнестрѣльнаго оружія, туземцы изъ работавшихъ въ полномъ согласіи съ Русскими мирныхъ охотниковъ превращались въ опасныхъ бандитовъ. Охота становилась менѣе выгодною и весьма опасною.

При такихъ условіяхъ среди начавшихъ задумываться русскихъ промышленниковъ явился человѣкъ, способный не только понять положеніе, но и бороться съ нимъ. Это былъ Григорій Ивановичъ Шелеховъ. Выработанный имъ для борьбы съ иностранцами планъ заключался въ слѣдующемъ: объединить всѣхъ независимыхъ

русскихъ промышленниковъ въ одну могущественную компанію; распространить русскія владѣнія на никому не принадлежавшемъ сѣверо-западномъ берегу Америки отъ Берингова пролива до испанской Калифорніи; установить торговыя сношенія съ Манилою, Кантономъ, Бостономъ и Нью-Іоркомъ. Поставивъ наконецъ всѣ эти предпріятія подъ защиту правительства, устроить на Гавайскихъ островахъ арсеналъ и станцію для русскаго флота, который, защищая русскіе интересы и имѣя обширную и разностороннюю практику на Тихомъ океанѣ, могъ бы выработаться въ первый въ мірѣ флотъ.

IV.

Самъ Шелеховъ не дожилъ до исполненія его предположеній, онъ умеръ въ Иркутскѣ въ 1795 г., но его планъ былъ одобренъ правительствомъ. Въ 1799 г. вновь образованная Россійско-американская ком-

панія получила исключительное право охоты, торговли и другихъ занятій въ открытыхъ Русскими водахъ и земляхъ сѣверной части Тихаго океана. Высшее руководство дѣйствіями компаніи оставлено было за главными акціонерами въ Петербургѣ, управленіе же дѣлами на мѣстѣ поручено было ближайшему сотруднику и другу покойнаго Шелехова Александру Андреевичу Баранову.

Этотъ весьма скромнаго происхожденія и по внѣшности мало похожій на героя человѣкъ до пятидесяти лѣтъ таилъ въ себѣ дарованія природнаго вождя и великаго государственнаго строителя. Имѣя подъ своимъ началомъ лишь служащихъ компаніи и не отличавшихся храбростью Алеутовъ, Барановъ перенесъ главную квартиру компаніи съ о-ва Кадьяка на населенный свирѣпыми Колошами материкъ и въ Ситхинскомъ заливѣ заложилъ столицу Русской Америки Ново-Архангельскъ. Здѣсь, вслѣдъ за сооруженіемъ форта съ 16 короткими и 42 длинными орудіями, появилась верфь для постройки судовъ,

мѣднолитейный заводъ, снабжавшій колоколами церкви Новой Испаніи. Столица, бѣлое населеніе которой быстро возросло до 800 семействъ, украсилась церковью, школами, библіотекою и даже картинною галереей. Въ сорока верстахъ у минеральныхъ источниковъ устроена была больница и купанья...

Какъ центръ самой важной въ то время мѣховой торговли, Ново-Архангельскъ сдѣлался первымъ портомъ на Тихомъ океанѣ, оставивъ далеко позади себя испанскій С.-Франциско. Къ нему сходились всѣ суда, плававшія въ тамошнихъ водахъ. Радушно принимая всѣхъ иностранныхъ гостей, Барановъ ни на одну минуту не упускалъ изъ виду русскихъ интересовъ и повелъ дѣло такимъ образомъ, что самые серьезные изъ соперниковъ — Англичане скоро добровольно ушли изъ русскихъ водъ, Американцы же во главѣ съ знаменитымъ Джономъ Асторомъ, сильно сокративъ число своихъ судовъ, вступили въ сотрудничество съ Русскими и заняли подчиненное положеніе, а именно: забирая

уступавшихся имъ Барановымъ Алеутовъ, они охотились къ югу отъ Калифорніи для русской компаніи, поставляли за мѣха съѣстные припасы и т. п.

Устраняя такимъ образомъ соперниковъ, Барановъ въ то же время не покладая рукъ работалъ надъ упроченіемъ нашего положенія. На морѣ онъ съ каждымъ годомъ увеличивалъ число русскихъ кораблей, усѣивалъ острова русскими факторіями, заводилъ торговыя сношенія съ иностранными портами, а на сушѣ все дальше и дальше уходилъ въ глубь материка, прокладывая путь съ помощью духовенства и закрѣпляя его постройкою фортовъ. Русскія владѣнія росли и къ востоку, и къ сѣверу, и къ югу...

Въ общемъ, за время своего пребыванія во главѣ компаніи, Барановъ сдѣлалъ для Россіи то, что не удалось сдѣлать ни одному простому смертному. Онъ завоевалъ и принесъ ей въ даръ всю сѣверную половину Тихаго океана, фактически превращенную имъ въ «Русское озеро», а по другую сторону этого океана цѣлую имперію,

равную половинѣ Европейской Россіи, начинавшую заселяться Русскими и обезпеченную укрѣпленіями, арсеналами и мастерскими такъ, какъ не обезпечена до сихъ поръ Сибирь.

Зависть и ея вѣрное оружіе клевета свалили этого гиганта. Добывавшій съ моря ежегодно милліоны и не воспользовавшійся изъ нихъ ни одною копѣйкою, Барановъ заподозрѣнъ былъ въ корыстолюбіи и, смѣщенный безъ объясненія причинъ, въ ноябрѣ 1818 г. отплылъ изъ своего любимаго Ново-Архангельска.

V.

Съ уходомъ этого великаго человѣка кончился героическій періодъ русской дѣятельности на Тихомъ океанѣ, и Русскіе, выдвинувшись за море съ такою же смѣлостью, съ какою выдвигались въ свое время Голландцы, Испанцы и Французы,

подобно имъ же должны были отступить передъ Англо-Саксами.

Этотъ поворотъ въ ходѣ событій совершился весьма просто. Узнавъ о томъ, что въ Америкѣ уже нѣтъ больше всемогущаго Баранова, Англичане снова потянулись въ нашъ промысловый раіонъ, а Американцы опять увеличили число своихъ кораблей и начали охотиться у русскихъ береговъ. Испуганный неожиданнымъ наступленіемъ соперниковъ, новый правитель колоніи лейтенантъ Гагемейстеръ обратился за защитою къ правительству. Послѣднее указомъ 4 сентября 1821 г. объявило право русской прибрежной власти на стомильное пространство воды къ западу отъ нашихъ американскихъ владѣній. А такъ какъ поддержать это право, за неимѣніемъ въ Тихомъ океанѣ ни одного военнаго судна [1], было нечѣмъ, то въ отвѣтъ на заявленіе Россіи

[1] При Барановѣ для охраны нашихъ промысловъ посылалось изъ Кронштадта военное судно. Но съ 1820 г. распоряженіе это было отмѣнено и компаніи предоставлено было защищать себя собственными средствами.

со стороны Англіи послѣдовалъ немедленный протестъ, а маленькіе, только что выглянувшіе на свѣтъ С.-А. Соединенные Штаты устами президента Монро громко объявили всему міру, что на открытый Испанцами, Французами и Русскими американскій материкъ они смотрятъ какъ на свою собственность и питаютъ надежду, что державы Стараго Свѣта добровольно поймутъ, что имъ нечего больше дѣлать въ Новомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Англо-Саксы обоихъ государствъ, еще далеко не дошедшіе съ востока до Скалистыхъ горъ, отъ хребта которыхъ на западъ начиналась уже русская земля, потребовали отъ Россіи разграниченія владѣній.

Результатомъ возникшихъ отсюда переговоровъ явилась чрезвычайно важная конвенція, подписанная въ одинъ и тотъ же день, 16 февраля 1825 г., и съ Англіей, и съ С.-А. Соединенными Штатами. По этой конвенціи, заключенной съ первою державою, Россія отнесла свою границу на западъ отъ Скалистыхъ горъ до 142 градуса гринвической долготы. Сѣверная половина

уступленнаго нами пространства отдана была Англіею Гудзонбайской компаніи, изъ южной же образована была такъ называемая Британская Колумбія. Разграниченіе съ С.-А. Соединенными Штатами состояло въ простомъ отказѣ съ нашей стороны отъ принадлежавшихъ намъ земель, составляющихъ нынѣ богатѣйшіе сѣверо-западные штаты Вашингтонъ и Орегонъ. Въ общемъ, по конвенціи 16 февраля 1825 г. изъ нашихъ владѣній на материкѣ Америки за нами осталась лишь одна треть, извѣстная подъ именемъ Аляски, а двѣ трети отданы были Англо-Саксамъ безъ всякаго вознагражденія съ ихъ стороны.

Послѣ уступки этихъ земель, дѣвственные лѣса которыхъ изобиловали пушнымъ звѣремъ, а прибрежныя воды морскимъ бобромъ и котикомъ,—весьма прибыльная мѣховая торговля, находившаяся до тѣхъ поръ на всѣхъ міровыхъ рынкахъ почти исключительно въ русскихъ рукахъ, начала переходить теперь къ Англичанамъ и Американцамъ; подрѣзанная въ самомъ корнѣ суженіемъ ея промысловаго раіона, Россій-

ско-американская компанія принуждена была упразднять понемногу свои факторіи и сокращать судоходство, а Россія — отходить на ту базу, откуда Берингъ началъ свои изслѣдованія Тихаго океана, т. е. на Камчатку.

Но какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и на театрѣ борьбы за жизнь слѣдомъ за отступающимъ идетъ и его противникъ. Поэтому, не прошло и десяти лѣтъ послѣ подписанія нами конвенціи 1825 г., какъ американскіе звѣропромышленники переправились уже на эту сторону Тихаго океана. Сначала они устремились на Командорскіе острова и принялись за истребленіе котика. Затѣмъ цѣлыя флотиліи ихъ появились въ Беринговомъ и Охотскомъ моряхъ для охоты на кита. Свободно хозяйничая въ нашихъ водахъ, они заходили въ бухты, уничтожали тамъ дѣтенышей китовъ, грабили прибрежныхъ жителей, жгли лѣса и т. д. Полная безнаказанность за безчинства довела дерзость американскихъ китобоевъ до того, что они начали врываться въ

Петропавловскъ, разбивали караулъ и растаскивали батареи на дрова [1].

Въ то же время систематически наступавшіе съ юга Англичане нанесли сильный ударъ нашему престижу въ Китаѣ. Лѣтомъ 1840 г. ихъ флотъ овладѣлъ Гонконгомъ. Поднявшись затѣмъ въ устье Янтсекіанга и захвативъ Вузунгъ и Шанхай, Англичане по договору 1842 г. заставили Китай открыть свои порты для европейской торговли; при чемъ ближайшая сосѣдка Китая Россія умышленно не была включена въ число державъ, получившихъ право на посѣщеніе открытыхъ портовъ.

[1] На Камчаткѣ у насъ имѣлось 100 морскихъ чиновъ и 100 казаковъ, составлявшихъ гарнизонъ, полицію и рабочихъ для всего полуострова. Укрѣпленія Петропавловска состояли изъ деревяннаго бруствера, вооруженнаго 10 малокалиберными орудіями.

VI.

Озадаченныя дружнымъ напоромъ Англо-Саксовъ, наши офиціальныя сферы пробовали было успокоить общество тѣмъ, что, благодаря недоступности Амура со стороны моря, англо-саксонскіе корабли никогда не проникнутъ въ глубь Сибири. Но подобное успокоеніе дѣйствовало слабо. Въ журналахъ и газетахъ того времени появилось много сильныхъ статей, наиболѣе замѣчательною изъ коихъ была статья Полевого въ «Сѣверной Пчелѣ». Перечисляя всѣ пріобрѣтенія и потери Россіи въ царствованіе Дома Романовыхъ, авторъ высказалъ мысль, что одною изъ самыхъ тяжкихъ по своимъ послѣдствіямъ потерь была потеря нами Амура. Статья эта обратила на себя вниманіе Императора Николая I, и Его Величество, несмотря на всѣ опасенія министра иностранныхъ дѣлъ графа Несельроде о возможности разрыва съ Китаемъ, о неудовольствіи Европы, въ

особенности Англичанъ, въ случаѣ какихъ либо энергичныхъ дѣйствій съ нашей стороны и т. п., приказалъ снарядить экспедицію изъ корвета «Менелай» и одного транспорта и отправить ее изъ Чернаго моря подъ начальствомъ Путятина въ Китай и Японію для установленія торговыхъ сношеній съ этими государствами и для осмотра лимана и устья р. Амура, считавшагося недоступнымъ съ моря.

Но такъ какъ на снаряженіе этой экспедиціи требовалось 250.000 рублей, то на поддержку графа Несельроде выступилъ министръ финансовъ, и экспедиція Путятина была отмѣнена. Вмѣсто нея съ необычными предосторожностями и съ наисекретнѣйшею инструкціей посланъ былъ къ устью Амура крохотный бригъ «Константинъ» подъ командою поручика Гаврилова. Хотя послѣдній ясно говорилъ въ своемъ донесеніи, что въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ былъ поставленъ, онъ порученія исполнить не могъ, тѣмъ не менѣе министръ иностранныхъ дѣлъ доложилъ Государю, что приказаніе Его Величества

исполнено въ точности, что изслѣдованія поручика Гаврилова еще разъ доказали, что Сахалинъ—полуостровъ. Амуръ съ моря недоступенъ, а слѣдовательно и рѣка эта не имѣетъ для Россіи никакого значенія.

Вслѣдъ за этимъ Особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Несельроде и съ участіемъ военнаго министра графа Чернышева, генералъ-квартирмейстера Берга и др. постановилъ признать Амурскій бассейнъ принадлежащимъ Китаю и отказаться отъ него навсегда.

Рѣшеніе это казалось окончательнымъ и безповоротнымъ и оно было бы таковымъ, если бы въ самый критическій моментъ среди русскихъ людей снова не нашелся одинъ изъ тѣхъ праведниковъ, которыми держится Русская земля. Таковымъ былъ даровитый морякъ и мужественный патріотъ Геннадій Ивановичъ Невельской.

Отправившись въ 1848 г. на транспортѣ «Байкалъ» для доставки въ Петропавловскъ казенныхъ грузовъ, Невельской лѣтомъ 1849 г. прибылъ въ устье Амура и послѣ

42-дневной работы установилъ: 1) что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, отдѣляющійся отъ материка проливомъ въ 4 мили шириною, при наименьшей глубинѣ въ 5 саж. и 2) что входъ въ Амуръ какъ изъ Охотскаго, такъ и Японскаго морей—доступенъ для морскихъ судовъ.

VII.

Это открытіе, плохо понятое у насъ и едва не повлекшее за собою разжалованіе самого Невельского въ рядовые, наоборотъ въ Англіи и Америкѣ вызвало сильную тревогу и цѣлый рядъ мѣропріятій. Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, позволю себѣ сдѣлать слѣдующее маленькое отступленіе.

Простая справедливость требуетъ признанія за всемірными завоевателями и нашими жизненными соперниками Англо-Саксами одного неоспоримаго качества—никогда и ни въ чемъ нашъ хваленый инстинктъ не

играетъ у нихъ роли добродѣтельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человѣчества въ ея цѣломъ и оцѣнивая каждое событіе по степени вліянія его на ихъ собственныя дѣла, они неустанною работою мозга развиваютъ въ себѣ способность на огромное разстояніе во времени и пространствѣ видѣть и почти осязать то, что людямъ съ лѣнивымъ умомъ и слабымъ воображеніемъ кажется пустою фантазіей. Въ искусствѣ борьбы за жизнь, т. е. политикѣ, эта способность даетъ имъ всѣ преимущества геніальнаго шахматиста надъ посредственнымъ игрокомъ. Испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является для нихъ своего рода шахматною доскою, а тщательно изученные въ своихъ основныхъ свойствахъ и въ духовныхъ качествахъ своихъ правителей народы—живыми фигурами и пѣшками, которыми они двигаютъ съ такою расчитанностью, что ихъ противникъ, видящій въ каждой стоящей передъ нимъ пѣшкѣ самостоятельнаго врага, въ концѣ концовъ теряется въ недоумѣніи, какимъ же обра-

зомъ и когда сдѣланъ былъ имъ роковой ходъ, приведшій къ проигрышу партіи?

Такого именно рода искусство увидимъ мы сейчасъ въ дѣйствіяхъ Американцевъ и Англичанъ противъ насъ самихъ.

Едва только вѣсть о новыхъ русскихъ открытіяхъ въ Тихомъ океанѣ распространилась по цивилизованному міру, какъ работавшіе у Камчатки и въ Охотскомъ морѣ американскіе китобои потянулись къ амурскому лиману и Татарскому заливу для наблюденія за нашими дѣйствіями въ тамошнихъ мѣстахъ. Въ сосѣдней Манчжуріи появились лучшіе изъ политическихъ развѣдчиковъ—миссіонеры. Въ самихъ Штатахъ политическая мысль занялась выясненіемъ вопроса о томъ, какое значеніе можетъ имѣть величайшій изъ бассейновъ земного шара, т. е. Тихій океанъ, для человѣчества вообще и для С.-Американцевъ въ особенности? Поднятый сначала печатью, вопросъ этотъ перешелъ затѣмъ въ вашингтонскій сенатъ, составляющійся, подобно древнему римскому сенату и англійской палатѣ лордовъ, изъ самыхъ сильныхъ головъ, такъ называемыхъ

«строителей государства». Изъ произнесенныхъ въ этомъ учрежденіи въ 1852 г. рѣчей, посвященныхъ тихоокеанскому вопросу, самою замѣчательною по глубинѣ содержанія и ясновидѣнію была рѣчь сенатора штата Нью-Іоркъ Уильяма Съюорда.

Съ своей стороны не сидѣла сложа руки и исполнительная власть. Обдумывая надъ картою возможное въ ближайшемъ будущемъ занятіе Россіею Амурскаго бассейна, руководители американской политики обратили вниманіе на то, что главные японскіе острова Іезо, Нипонъ и Кіу-сіу, вытянувшись дугою отъ Сахалина до Корейскаго пролива, представляютъ какъ бы гигантскій баръ, заграждающій собою то море, къ которому не сегодня—завтра должна была выйти Россія по Амуру. Это обстоятельство сейчасъ же подсказало привыкшему къ сложнымъ комбинаціямъ англо-саксонскому уму одинъ изъ замѣчательныхъ по смѣлости, дальновидности и глубинѣ расчета политическихъ ходовъ, а именно:

Не теряя времени, предпринять морской походъ въ Японію съ тѣмъ, чтобы однимъ

ударомъ утвердить надъ нею моральное господство С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, взять ее подъ свою опеку и, постепенно направляя ея честолюбіе на азіатскій материкъ, подготовить такимъ образомъ изъ этого островного государства сильный англо-саксонскій авангардъ противъ Россіи.

Съ этою цѣлью по приказанію президента сформирована была и въ ноябрѣ 1852 г. отправлена въ Тихій океанъ сильная эскадра въ 10 военныхъ судовъ подъ начальствомъ комодора Перри. Подойдя лѣтомъ 1853 г. къ берегамъ Японіи, Перри, послѣ отказа Японцевъ впустить его въ куригамскую бухту, приступилъ къ бомбардировкѣ прибрежныхъ городовъ. Никогда невидѣнные въ такомъ количествѣ «черные корабли» Американцевъ, энергичныя дѣйствія и повелительный тонъ начальника эскадры навели на Японцевъ паническій страхъ и внушили имъ представленіе о С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, какъ о самомъ могущественномъ государствѣ въ мірѣ.

Давъ такимъ образомъ Японцамъ почувствовать сначала силу, Американцы объ-

явили себя затѣмъ духовными отцами этого выведеннаго ими изъ замкнутаго состоянія народа и заставили его принять къ себѣ, кромѣ дипломатическихъ представителей, еще и особыхъ совѣтниковъ по иностраннымъ дѣламъ. Послѣдніе же, внимательно слѣдя за каждымъ нашимъ шагомъ въ Азіи и постепенно внушая Японцамъ страхъ къ Россіи и ненависть ко всему русскому, начали превращать нашего легко поддающагося чужому вліянію сосѣда въ подозрительнаго и опаснаго врага...

VIII.

Теперь, что касается Англіи, то открытіе Невельскимъ новаго выхода къ Тихому океану заставило эту державу ускорить объявленіе намъ Севастопольской войны, имѣвшей цѣлью совершенное уничтоженіе нашего флота и разрушеніе опорныхъ пунктовъ на всѣхъ моряхъ, омывающихъ Россію. Неизбѣжность же этой войны, ставшая очевидною еще въ 1852 г., побудила

насъ въ свою очередь къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ на Амурѣ.

«Ожидаемый разрывъ съ западными державами, говоритъ въ своихъ запискахъ Невельской, понудилъ генералъ-губернатора прибыть въ Петербургъ для обсужденія предположеній о защитѣ ввѣреннаго ему края. 22 апрѣля 1853 г. Н. Н. Муравьевъ имѣлъ счастье докладывать Государю Императору, что для подкрѣпленія Петропавловска необходимо разрѣшить сплавъ по р. Амуру, ибо берегомъ нѣтъ никакой возможности доставить въ Петропавловскъ ни продовольствія, ни оружія, ни войскъ. Выслушавъ докладъ Муравьева, Государь того же 22 апрѣля Высочайше повелѣть соизволилъ: написать объ этомъ китайскому трибуналу, предложеніе же Муравьева о сплавѣ по Амуру запасовъ, оружія, продовольствія и войскъ разсмотрѣть въ Особомъ Комитетѣ».

Въ послѣднемъ большинствомъ голосовъ рѣшено было «плыть по рѣкѣ Амуру».

Первый торжественный сплавъ произведенъ былъ въ навигацію 1854 г.

Въ это время союзный англо-французскій флотъ изъ 6 судовъ, собравшись у береговъ Америки, заканчивалъ уже совмѣстное обученіе, и въ августѣ 1854 г. поб[illegible] къ Петропавловску. Обстрѣлявъ береговыя укрѣпленія, непріятель спустилъ на берегъ 700 человѣкъ судовыхъ командъ и двинулся въ атаку. Но атака была отбита, и союзники съ большимъ урономъ бѣжали на свои суда.

Въ слѣдующемъ 1855 г. хотя непріятельскій флотъ, доведенный до 17 судовъ, усиленъ былъ еще и отдѣльною гонконгскою эскадрою, тѣмъ не менѣе операціи его оказались столь же безуспѣшными, такъ какъ Петропавловскій портъ былъ снятъ, все имущество его перевезено въ Николаевскъ, а суда введены въ устье Амура.

Не успѣвъ такимъ образомъ причинить намъ на Тихомъ океанѣ почти никакого вреда, крѣпко зацѣпившіеся за южный Китай, англичане рѣшили въ слѣдующемъ же 1856 г. перенести свои дѣйствія въ сѣверную часть его съ цѣлью, нѣсколько схожею съ той, съ которою Американцы

посылали въ Японію экспедицію Перри. Но возстаніе въ Индіи не позволило имъ сразу же двинуть въ Китай значительныя силы. Серьезныя операціи начались лишь въ 1858 г. и затянулись до 1860 г., а за это время событія на Амурѣ начали быстро идти къ благополучному для насъ разрѣшенію.

Въ концѣ 1856 г. учреждена была Приморская область и центръ управленія всею прилегающею къ Тихому океану Сибирью перенесенъ изъ Петропавловска въ Николаевскъ на Амурѣ. Въ началѣ 1857 г. утверждено было заселеніе лѣваго берега Амура, для чего съ открытіемъ навигаціи двинуты были внизъ по рѣкѣ переселенцы Амурскаго коннаго полка и подъ личнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора заняли лѣвый берегъ Амура. При устьѣ Зеи сталъ лагеремъ 13 линейный батальонъ и дивизіонъ легкой артиллеріи. Кромѣ того, Муравьевъ формировалъ въ Забайкальской области изъ крестьянъ горнозаводскаго вѣдомства пѣшій казачій полкъ съ артиллеріей, а въ распоряженіи адмирала Путя-

тина шли уже изъ Кронштадта семь военныхъ судовъ.

Столь рѣшительныя мѣры къ упроченію нашего положенія на Амурѣ произвели сильное впечатлѣніе на Китай. Нежелавшее вначалѣ разговаривать съ нашими дипломатами, пекинское правительство прислало теперь сказать, что «изъ-за возникшихъ недоразумѣній не приходится ему разрывать съ нами двухсотлѣтнюю дружбу». Начавшіеся вслѣдствіе такого заявленія переговоры между иркутскимъ генералъ-губернаторомъ и пограничными китайскими властями привели къ заключенію такъ называемаго Айгуньскаго договора, признававшаго за Россіею право на тѣ земли, которыя фактически заняты были нами исключительно благодаря смѣлой иниціативѣ и неутомимой энергіи Геннадія Ивановича Невельского и Николая Николаевича Муравьева.

IX.

Послѣ Айгуньскаго договора, подписаннаго 16 мая 1858 г. и утвержденнаго центральнымъ китайскимъ правительствомъ въ ноябрѣ 1860 г., политическая обстановка на лѣвомъ флангѣ сложилась такимъ образомъ.

Болѣе ста лѣтъ наше сообщеніе съ Тихимъ океаномъ совершалось по пути, проложенному вольницей. Послѣдній участокъ этого пути отъ Якутска до Охотска представлялъ собою узенькую караванную тропу, на 1100 верстъ тянувшуюся по обрывистымъ горамъ, лѣсамъ и тундрамъ къ скованному въ теченіе двухъ третей года льдомъ Охотскому морю и лежащей за нимъ вѣчно голодной Камчаткѣ.

Съ пріобрѣтеніемъ Амура мы стали на хорошій водный путь, въ 4140 верстъ длиною, и отъ 300 до 1000 саж. шириною, шедшій по хлѣбородному краю и приводившій къ Японскому морю. Послѣднее,

по сравненію съ Охотскимъ и Беринговымъ морями, казалось теплымъ, укрытымъ и вполнѣ удобнымъ для устройства на немъ базъ торговаго и военнаго флота. На самомъ же дѣлѣ оно обладало слѣдующими крупными недостатками. Во-первыхъ въ зимнее время оно также вдоль материка обрамлялось широкою ледяною полосою. Спасаясь отъ этого предательскаго капкана, нашъ флотъ четыре мѣсяца въ году, въ качествѣ бездомнаго, вынужденъ былъ скитаться по чужимъ портамъ, что не могло способствовать его престижу. Во-вторыхъ, выходы изъ этого моря, какъ на югъ, черезъ Корейскій проливъ, такъ и на востокъ, черезъ Лаперузовъ, находились подъ ударами Японіи, за спиною которой стояли уже С.-А. Соединенные Штаты.

Недостатки эти тотчасъ же замѣчены были Англичанами, почему вслѣдъ за ратификаціей Айгуньскаго договора англійская печать, по сигналу хорошо извѣстнаго въ свое время Равенштейна, забила тревогу, указывая на беззащитность Манчжуріи и на то, что начавшая уже спу-

скаться съ своихъ ледниковъ Россія не задержится на Амурѣ ни одного лишняго дня и при первомъ же удобномъ случаѣ двинетъ свои полки далѣе на югъ къ Печилійскому заливу.

Да, но хорошо было говорить объ этомъ наступленіи Англичанамъ, для которыхъ весь міръ представляетъ собою раскрытую книгу, которые ясно видѣли наше положеніе, знали, зачѣмъ намъ нужны Манчжурія и Печилійскій заливъ и какого рода сопротивленіе могли мы встрѣтить со стороны Китая. Между тѣмъ какъ для насъ самихъ весь нашъ лѣвый флангъ съ его морями, Китаемъ, Японіей, Манчжуріей, Монголіей и т. п. казался, да и сейчасъ кажется, какимъ-то безконечнымъ темнымъ лѣсомъ, лишь изрѣдка освѣщеннымъ небольшими полянками, служившими намъ для болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха.

Такъ, во время нашего господства на Тихомъ океанѣ послѣдній имѣлъ для насъ только одно значеніе. Въ теченіе тысячелѣтій никѣмъ не потревоженная природа

развела на немъ безчисленныя стада морскихъ коровъ, выдръ, львовъ, бобровъ, котиковъ и другихъ животныхъ. Это обширное пастбище, приносившее намъ значительные доходы, требовало охраны, почему время отъ времени посылалось туда изъ Кронштадта военное судно. Но заводить тихоокеанскій флотъ, какъ этого настойчиво домогались Шелеховъ и Барановъ, обязывавшіеся дать ему отличную стоянку на Гавайскихъ островахъ, считалось лишнимъ, ибо по тогдашнему нашему мнѣнію Великій океанъ былъ и на вѣки вѣковъ долженъ былъ остаться мертвою и никому не нужною пустынею. Но вотъ пришли Англо-Саксы, отняли у насъ наши пастбища, и мы отошли на Камчатку. Затѣмъ тѣ же Англо-Саксы направились къ Китаю и начали ломать окна и двери нашего сосѣда. На этотъ шумъ мы спустились къ Амуру и, снявъ съ плечъ котомку усѣлись въ ожиданіи новыхъ событій.

Для народа, одареннаго практическимъ смысломъ, творческою энергіей и предпріимчивостью, въ этомъ, и до сихъ про-

долженствующемся блужданіи и нерѣшительности, есть что-то ненормальное. Ясно, что гдѣ-то и когда-то мы сбились съ нашего пути, отошли отъ него далеко въ сторону и потеряли даже направленіе, по которому должны были слѣдовать къ указанной намъ Провидѣніемъ цѣли. А поэтому не пожалѣемъ труда и вернемся къ самымъ первымъ шагамъ нашей исторіи.

X.

Достаточно взглянуть на карту Азіи, чтобы видѣть, что этотъ материкъ по линіи Гималайскихъ горъ подраздѣляется на двѣ совершенно непохожія одна на другую части—теплый, плодородный югъ и холодный, преимущественно степной сѣверъ. Еще въ то время, когда Ромулъ и Ремъ питались молокомъ волчицы, а Моисей готовился выводить своихъ сородичей изъ Египта, почти весь югъ занятъ былъ уже посѣдѣвшими отъ заботъ строитель-

ной жизни и утратившими способность къ наступательной борьбѣ Китаемъ и Индіей. Извѣстный же подъ общимъ именемъ Татаріи сѣверъ, или правильнѣе самая важная для исторіи человѣчества часть его — раскинувшаяся на высокомъ средне-азіатскомъ плоскогоріи Монгольская степь населена была пастухами-кочевниками.

Незнавшія ни государства, ни центральной власти, многолюдныя семьи кочевниковъ, точно облака по небу, мирно бродили по необозримой степи, собирая посредствомъ своихъ стадъ засѣвавшуюся для нихъ Господомъ Богомъ жатву. Но райски беззаботная жизнь ихъ не могла длиться до безконечности. По мѣрѣ того, какъ населеніе увеличивалось, приближался и моментъ, когда «Великая степь», прозванная Римлянами Vagina gentium, должна была освободиться отъ своего бремени.

Въ этотъ знаменательный для степи періодъ среди кочевниковъ выискивался обыкновенно человѣкъ бывалый и энергичный, способный составить караванъ и

отвести его на новыя пастбища. Съ помощью четвероногаго телеграфа вѣсть о такомъ вожакѣ быстро разносилась во всѣ концы и къ нему начинали стекаться наиболѣе смѣлые и рѣшительные изъ кочевниковъ съ своими семьями и стадами. Тихо журча по степи, эти мелкіе ручьи сливались затѣмъ въ шумный человѣческій потокъ, скатывавшійся съ плоскогорія и устремлявшійся, смотря по освѣдомленности и счастью вождя, или на сѣверъ, или на югъ, или на западъ.

Вначалѣ такія переселенія не встрѣчали препятствій, такъ какъ Монгольская степь представляла собою лишь цитадель раскинувшагося у ея подножія грандіознаго царства травы, владѣнія котораго простирались на весь Туркестанъ и югъ Россіи. Направлявшіеся преимущественно въ эту сторону, кочевники съ теченіемъ вѣковъ составляли гигантскую процессію народовъ, тянувшуюся отъ центрально-азіатскаго плоскогорія къ Европѣ. Послѣднимъ этапомъ травяного пути и передовымъ плацдармомъ кочевой Татаріи была окру-

женная горами венгерская степь «пушта». Вступая въ нее эшелонъ за эшелономъ, пастухи-воины сплачивались здѣсь въ арміи и бросались затѣмъ на штурмъ Римской имперіи.

Первая процессія переселенцевъ, прокочевавшая вдоль Каспійскаго и Чернаго морей, состояла изъ народовъ, образовавшихъ Кельтскую расу. Когда южный путь былъ занятъ такимъ образомъ и отчасти закрытъ,—начавшая переполняться пастухами Черноморская степь выбросила избытокъ своего населенія въ промежутокъ между Карпатами и Пинскими болотами,—эти народы составили Германскую расу. Послѣ Кельтовъ и Германцевъ потянулись Славяне.

Послѣдніе, дойдя до Карпатъ, очутились въ своего рода ловушкѣ. Путь къ западу преграждали трудно проходимыя для обремененнаго стадами кочевника лѣсистыя горы; югъ загроможденъ былъ хвостами Кельтской колонны, на сѣверѣ лежали Пинскія болота, а между ними и Карпатами виднѣлись еще тыловыя части Германцевъ;

съ востока же начинали показываться новые переселенцы Великой степи. Зажатые такимъ образомъ между Днѣпромъ и Карпатами, Славяне вынуждены были остановиться и вслѣдствіе недостатка пастбищъ приняться за соху; иными словами, изъ вольныхъ птицъ степи стали превращаться въ немогшихъ бросить свое съ трудомъ обработанное поле, а слѣдовательно и привязанныхъ къ нему Полянъ.

XI.

Отсюда наиболѣе предпріимчивые изъ нашихъ предковъ, уже въ качествѣ земледѣльцевъ, начали расходиться къ сѣверу и къ югу и образовали своего рода живую плотину, преградившую собою великій низовой путь въ Европу. Поэтому новыя орды переселенцевъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Турокъ, повернули на юго-западъ и по высокой галереѣ сплошныхъ плоскогорій пошли къ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ.

Съ загражденіемъ Турками второго и послѣдняго выхода изъ Татаріи, послѣдняя оказалась закупоренною; естественный процессъ освобожденія ея отъ человѣческихъ избытковъ былъ остановленъ, и эта страна должна была въ свое время поразить міръ особенно бурнымъ выступленіемъ. Послѣднее началось съ появленіемъ въ Великой степи Чингисхана. Собравъ подъ свои знамена огромныя полчища кочевниковъ, онъ съ одною половиною ихъ двинулся на востокъ и, овладѣвъ сначала всею Кореею и Китаемъ до Янтсекіанга, направился затѣмъ въ Индію. Въ то же время другая половина Чингисхановыхъ ордъ, брошенная въ противоположную сторону, наводнила Западную Азію и Южную Россію.

Подчинивъ такимъ образомъ своей власти почти всю Азію и восточную половину Европы, воинственная Татарія вмѣстѣ съ тѣмъ въ первый разъ со времени своего существованія организовалась въ Монгольское государство или Золотую орду.

Но по многимъ причинамъ, объясненіе которыхъ отвлекло бы насъ отъ главной

мысли, основанная монгольскими пастухами имперія не могла быть долговѣчною. Уже съ Іоанна Калиты даровитые Московскіе Собиратели начинаютъ управлять волею хановъ и руками послѣднихъ устраняютъ съ пути препятствія къ объединенію Россіи. Битвою на Куликовомъ полѣ Димитрій Донской рѣшительно заявляетъ, что въ потѣ лица работающій надъ своими нивами Русскій народъ уже больше не слуга привыкшимъ снимать готовую жатву кочевникамъ. Грозный самодержецъ Іоаннъ IV беретъ подъ свою высокую руку царства Казанское, Астраханское и Сибирское. За ними наступаетъ очередь Ханства Крымскаго.

Въ теченіе того же времени наиболѣе дѣйствительное изъ человѣческихъ орудій—соха, пластъ за пластомъ подымая нетронутую съ сотворенія міра почву, прокладываетъ земледѣлію путь въ самую глубь днѣпровскихъ, донскихъ, волжскихъ и сибирскихъ степей и несетъ съ собою коренную перемѣну во внѣшнемъ видѣ и во внутренней жизни страны:

Тамъ, гдѣ прежде разстилалась безбрежная пустыня, непроизводившая ничего кромѣ травы,—зазолотились моря хлѣбовъ, затемнѣли сады, зазмѣились дороги. Вмѣсто каждый день переѣзжавшихъ на новую кочевку убогихъ палатокъ, явились постоянныя жилища, выросли города и села, поднялись къ небу купола церквей. Вмѣсто быстрыхъ и шумныхъ, какъ степной ураганъ, татарскихъ полчищъ, переносившихся изъ одного конца степи въ другой, зашагала медленная и страшная, какъ грозовая туча, пѣхота, предшествуемая полками хорошо обученной конницы и сопровождаемая тяжело громыхающею артиллеріей. Короче говоря, изъ первобытной, подобно птицамъ небеснымъ, питавшейся одними Божьими дарами Татаріи выросла могущественная, живущая тяжелымъ хлѣбопашескимъ трудомъ и до послѣдняго издыханія готовая защищать свои обильно политыя потомъ и кровью земли Россія...

XII.

Но, занявъ мѣсто Татаріи, мы унаслѣдовали и ея отношенія къ южной половинѣ Азіи, т. е. главнымъ образомъ къ Китаю и Индіи, а поэтому посмотримъ, какой капиталъ завѣщали намъ наши предшественники.

Начиная уже съ глубокой древности теплый и богатый югъ неудержимо тянулъ къ себѣ кочевые народы сѣвера. Нашествія ихъ въ ту сторону были такъ часты, что подробное перечисленіе ихъ было бы утомительнымъ, и мы ограничимся лишь наиболѣе извѣстными. Въ 247 г. до Р. Х. Татары опустошили всю Печилійскую провинцію; послѣ чего императоръ Ши-гуань-ди приказалъ почтить волею Божьею скончавшееся отъ преклонныхъ лѣтъ военное искусство китайцевъ постановкою ему памятника высотою въ трехъэтажный домъ и длиною въ три тысячи верстъ.

Это изумительное сооруженіе, извѣстное подъ именемъ великой стѣны, геометрически точно опредѣлило собою сѣверную границу Китайской имперіи, но защитить послѣднюю отъ нашествій степныхъ народовъ не могло. Во второмъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Татары снова наводняютъ Китай и онъ распадается на двѣ самостоятельныхъ части—сѣверную и южную. Въ 1225 г. Чингисханъ проходитъ Небесную Имперію до Янтсекіанга и облагаетъ данью династію Сонговъ. въ 1260 г. внукъ Чингисхана — Кублай устраняетъ Сонговъ и начинаетъ собою династію Іенъ. Наконецъ въ семнадцатомъ столѣтіи на крайнемъ юго-востокѣ Татаріи, среди полуосѣдлыхъ Тунгузовъ, появляется маленькій князекъ по имени Нурачу. Подчинивъ своей власти сначала собственное племя Манчжуровъ и ближайшихъ сосѣдей, Нурачу основываетъ Манчжурское царство, съ столицею Мукденомъ. А затѣмъ, какъ подобаетъ доброму сѣверянину, собираетъ армію и устремляется съ нею на Китай. Въ 1644 г. Манчжуры овладѣваютъ Пекиномъ и начинаютъ

править Китаемъ вплоть до послѣдняго переворота.

Затѣмъ, что касается Индіи, то хотя со стороны степи она защищена была природною стѣною Гималаевъ, тѣмъ не менѣе въ 1024 г. туда врываются Татары Газневиды и овладѣваютъ страною до Бенгаліи. Въ 1398 г. Тамерланъ захватываетъ Имперію Великаго Могола, просуществовавшую до 1759 г., т. е. до вторженія Англичанъ.

Итакъ исторія ясно говоритъ намъ:

1) Что во время существованія Татаріи всѣ наступленія въ Азіи велись исключительно въ одномъ направленіи—съ сѣвера на югъ.

2) Что многолюднѣйшія въ мірѣ, но духовно истощенныя и за два послѣднихъ тысячелѣтія не могшія произвести на свѣтъ ни одного сколько нибудь возвышавшагося бы надъ уровнемъ посредственности человѣка имперіи Китай и Индія находились подъ постояннымъ господствомъ сѣверныхъ народовъ.

и 3) Что вооруженная одними луками и саблями, но предводимая смѣлыми и рѣ-

шительными вождями татарская конница проложила торный историческій путь черезъ великую стѣну и Гималаи и широко разработала его въ умахъ южно-азіатскихъ народовъ. Иными словами, что своею многовѣковою работою она возвела такой фундаментъ, на которомъ мы, какъ побѣдители надъ побѣдителями, располагающіе при этомъ средствами всесокрушительной военной техники, могли бы строить наши отношенія къ югу Азіи въ любомъ изъ желательныхъ намъ стилей.

Спрашивается теперь, куда же дѣвался этотъ наслѣдственный капиталъ и какъ должны были бы мы воспользоваться имъ для нашихъ государственныхъ цѣлей?

Вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать опять-таки одна лишь исторія.

XIII.

Напомнимъ прежде всего, что наши казаки перешли Уралъ въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Въ 1587 г. они основали Тобольскъ, въ 1604 г. Томскъ, въ 1618 г. Якутскъ и въ 1638 г. Охотскъ.

Такимъ образомъ первая линія нашего наступленія къ Тихому океану пошла по крайнему сѣверу. При холодномъ климатѣ и огромныхъ разстояніяхъ, расположенныя вдоль этой линіи селенія терпѣли нужду во многомъ, особенно въ хлѣбѣ, котораго въ Охотскомъ краѣ нельзя было достать иногда на вѣсъ золота. Естественно поэтому, что, узнавъ отъ таежныхъ тунгузовъ о существованіи за Становыми горами никѣмъ не занятой страны, гдѣ люди пашутъ землю и разводятъ рогатый скотъ, наша вольница рѣшила отыскать эту страну, поселить въ ней русскихъ хлѣбопашцевъ и снабжать хлѣбомъ Охотскій край.

Отправнымъ мѣстомъ развѣдокъ явился

быстро развивавшійся благодаря звѣринымъ промысламъ Якутскъ. Первая партія развѣдчиковъ, посланная изъ него въ 1643 г., состояла изъ 100 казаковъ подъ начальствомъ Поярkова. Поднявшись по Алдану и пройдя болѣе 400 верстъ по загроможденной дикими скалами пустынѣ, Поярковъ вышелъ къ верховьямъ Зеи и по ней достигъ величественнаго Амура.

Обстоятельно развѣдавъ затѣмъ въ теченіе двухъ навигацій бассейнъ этой рѣки отъ впаденія въ нее Зеи до Татарскаго пролива, казаки пошли изъ Амура въ Охотское море и въ 1646 г., полуживые отъ трудовъ и лишеній, добрались до Якутска. При чемъ Поярковъ доложилъ воеводѣ: 1) что вся открытая имъ страна удобна для земледѣлія; 2) что живущія въ ней рѣдкими поселками полудикія племена никому не подчинены и 3) что для утвержденія русской власти на Амурѣ достаточно 300 человѣкъ, изъ коихъ одна половина должна быть распредѣлена гарнизонами въ трехъ или четырехъ городкахъ, а другая состоять въ подвижномъ резервѣ.

Въ 1648 г. открытъ былъ новый, болѣе западный и болѣе короткій путь къ Амуру. Послѣ предварительной развѣдки его, отправилась изъ Якутска вторая партія казаковъ въ 150 человѣкъ подъ начальствомъ составившаго ее на свой счетъ купца Хабарова для подчиненія Амурскаго края Россіи.

Прибывъ въ іюнѣ 1651 г. на Амуръ, Хабаровъ основалъ у устья рѣчки Албазина городокъ того же имени и поплылъ внизъ по рѣкѣ, останавливаясь въ попутныхъ селеніяхъ и приводя туземцевъ въ русское подданство. Къ концу навигаціи онъ спустился за Сунгари и остановился на зимовку у Ачанскаго улуса въ построенномъ имъ Ачанскомъ городкѣ. Недовольные приходомъ забиравшихъ у нихъ продовольствіе казаковъ, Ачане послали просить помощи у манчжуровъ. Послѣдніе, только что побѣдивъ Китай, были въ это время въ зенитѣ своего могущества, почему намѣстникъ богдыхана въ Манчжуріи охотно отрядилъ 2000 своей конницы съ 8 орудіями, фусеями и папардами. Отрядъ этотъ, подъ

начальствомъ князя Изинея шелъ къ Ачанскому городку три мѣсяца. Но при первомъ же столкновеніи съ русскими 24 марта 1652 г. манчжуры были разбиты наголову и бѣжали.

Съ открытіемъ навигаціи Хабаровъ поплылъ вверхъ по рѣкѣ, построилъ у устья Кумары острожокъ и послалъ въ Якутскъ доложить воеводѣ, что Амурскій край можетъ быть настоящей житницею для всей Сибири, но что въ виду опасности со стороны манчжуръ необходимо подкрѣпленіе въ 600 человѣкъ. Дать такихъ силъ Якутскъ не могъ, но съ тѣми же посланцами отправилъ просьбу въ Москву. Послѣдняя командировала на Амуръ дворянина Зиновьева съ порученіемъ—поощрить казаковъ, прибавить къ нимъ команду въ 150 человѣкъ, усилить ихъ снарядами и приготовить все нужное къ приходу 3000 войскъ, которыя предполагалось двинуть туда подъ командою князя Лобанова-Ростовскаго.

Въ августѣ 1653 г. Зиновьевъ прибылъ къ устью Зеи, собралъ коллекцію изъ мѣстныхъ богатствъ, взялъ съ собою пред-

ставителей туземныхъ племенъ, Хабарова, и повезъ ихъ въ Москву. На Амурѣ же оставилъ казака Онуфрія Степанова, изъявъ его изъ подчиненія якутскому воеводѣ и приказавъ весь собиравшійся съ туземцевъ ясакъ посылать прямо въ Москву.

Степановъ, въ груди котораго билось сердце Ермака, былъ весьма радъ этой самостоятельности и задумывалъ уже смѣлую думу. Не ограничиваясь амурскимъ бассейномъ, онъ съ горстью своихъ казаковъ собирался порѣшить и Манчжурское царство. Съ этой цѣлью, сейчасъ же послѣ отъѣзда Зиновьева, онъ пошелъ въ устье Сунгари, добылъ тамъ много хлѣба, и, прозимовавъ у Дучеровъ, весною 1654 г. поплылъ вверхъ по неотразимо тянувшей его рѣкѣ. Послѣ трехдневнаго плаванія за Хинганскими горами, онъ встрѣтилъ сильный отрядъ пытавшихся загородить ему путь манчжуровъ, разбилъ его и узналъ отъ плѣнныхъ, что манчжуры не имѣли бы ничего противъ владѣнія русскими правымъ берегомъ Амура и низовьемъ Сунгари до Хинганскаго хребта, но что они

боятся за свои собственныя земли и поэтому собираются на будущій годъ идти на казаковъ съ большими силами.

Въ виду такихъ извѣстій Степановъ поплылъ вверхъ по Амуру къ устью Кумары и началъ готовиться къ защитѣ. Дѣйствительно, 20 марта 1655 г. 10.000 манчжуръ съ 15 орудіями приблизились къ Кумарскому острогу, обложили его и послѣ четырехдневной бомбардировки, въ ночь на 25 марта пошли на приступъ. Но лихою контръ-атакою казаки нанесли противнику полное пораженіе и разсѣяли всю орду. Въ слѣдующемъ 1656 г., поднявшись по Сунгари до самой Нингуты, Степановъ повергъ въ панику всю Манчжурію, а спустя еще два года, снявъ гарнизоны острожковъ и доведя свой отрядъ до 500 человѣкъ, поплылъ за Хинганскій хребетъ съ тѣмъ, чтобы нанести Манчжурскому царству окончательный ударъ. Наканунѣ боя почти половина казаковъ взбунтовалась. Оставшись съ 270 человѣкъ, Степановъ, несмотря на чудеса храбрости, былъ окруженъ и, подобно своему знаменитому пред-

шественнику, нашелъ свою могилу—уже на другомъ концѣ Сибири, но также на днѣ рѣки...

Со смертью грознаго Степанова во всемъ Амурскомъ бассейнѣ сразу же наступила кладбищенская тишина, продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но вотъ, пролетая однажды надъ этою молчаливою пустынею, ангелъ жизни бросилъ на нее въ видѣ опыта новый ростокъ. Въ 1669 г. небольшая партія вольницы подъ предводительствомъ Никиты Черниговскаго, спасаясь отъ наказанія за убійство якутскаго воеводы Обухова, бѣжала на Амуръ и поселилась въ опустѣвшемъ Албазинѣ. Бѣглецы построили хижины, распахали поля, а затѣмъ, съ благословенія іеромонаха Гермогена, заложили и монастырь во имя Спаса Всемилостивѣйшаго. Скромный, едва перелетавшій на другую сторону рѣки, благовѣстъ маленькихъ колоколовъ скоро услышанъ былъ однако всею Сибирью, и къ сразу же сдѣлавшемуся знаменитымъ Албазину потянулись новые переселенцы. Одни изъ нихъ устраивались у самаго Ал-

базина, другіе пошли вдоль рѣки и разсыпались по притокамъ. Такимъ образомъ начали оживать острожки Кумарскій, Зейскій, Косогорскій, Ачанскій, Усть-Делинскій, Усть-Нимеланскій, Тугурскій; точно по щучьему велѣнью выросли деревни и слободы—Андрюшкина, Игнатина, Монастыршина, Покровская, Озерная и др. По сосѣдству съ ними, въ удобныхъ низинахъ появились отдѣльныя заимки, а на вершинахъ холмовъ привѣтливо замахали своими крыльями вѣтряныя мельницы.

Такъ какъ все это оживленіе пошло изъ Албазина, то, въ воздаяніе заслугъ послѣдняго, ему въ 1684 г. пожалованы были гербъ и печать и онъ сдѣланъ былъ главнымъ городомъ Амурскаго края, образовавшаго собою самостоятельное Албазинское воеводство, первымъ воеводою котораго былъ назначенъ Алексѣй Толбузинъ...

XIV.

Только что изложенные факты представляютъ собою простой и поэтому наглядный примѣръ того, какъ въ дѣлѣ государственнаго строительства совершенно незамѣтно вкрадываются грубыя и опасныя для дѣла ошибки. Дѣйствительно, вѣдь не любовь къ приключеніямъ, а нужда въ хлѣбѣ заставила Якутскъ послать за Становой хребетъ сначала «ходока» Пояркова, открывшаго Амурскій край, а затѣмъ Хабарова, присоединившаго этотъ край къ Россіи и намѣревавшагося сдѣлать изъ него житницу Сибири. При такихъ условіяхъ, лично и матеріально заинтересованный въ развитіи уже пріобрѣтеннаго имъ края, Якутскъ просилъ Москву лишь объ одномъ—прислать ему подмогу въ 600 человѣкъ, или, по нынѣшнему военному расчету, три роты солдатъ. Казалось бы чего проще—исполнить эту просьбу и радоваться, глядя на то, какъ по проложеннымъ По-

ярковымъ и Хабаровымъ путямъ, при дѣятельномъ сотрудничествѣ якутскаго воеводы на сѣверѣ и Хабарова—на югѣ, начался бы постепенный переходъ русскихъ людей изъ холоднаго и голоднаго Ленскаго бассейна и распредѣленіе ихъ по болѣе теплому и плодородному Амурскому. Вмѣсто этого, правительство посылаетъ на Амуръ облеченнаго большими полномочіями Зиновьева, который въ самый разгаръ дѣятельности отнимаетъ Хабарова отъ дѣла и увозитъ въ Москву, откуда этотъ даровитый и полный силъ человѣкъ, пожалованный саномъ боярина, уже не поѣхалъ на работу. Замѣститель Хабарова, Степановъ, при его безстрашіи былъ бы отличнымъ начальникомъ сторожевого отряда, если бы, оставаясь въ подчиненіи у якутскаго воеводы, получилъ приказаніе не ходить къ манчжурамъ, а лишь охранять отъ нихъ свое. Но его дѣлаютъ самостоятельнымъ и требуютъ отъ него присылки ясака. Разумѣется, эта свобода и темпераментъ сейчасъ же продиктовали Степанову болѣе широкую задачу. Вмѣсто

ясака онъ начинаетъ думать о военныхъ трофеяхъ, и будь у него не 500 человѣкъ, а 5000—онъ навѣрное ударилъ бы челомъ Московскимъ Государямъ и Манчжурскимъ царствомъ и даже Китайскою имперіею. Этотъ стихійный человѣкъ въ данномъ случаѣ требовалъ регулятора, безъ котораго онъ погибъ столь же геройскою, сколько и безполезною для родины смертью. Послѣ Степанова, обнаженный отъ войскъ и опустѣвшій отъ жителей, Амуръ подчиненъ былъ нерчинскому воеводѣ Пашкову. Но по горло занятый устройствомъ только что открытаго енисейскими казаками Забайкалья и установкою связи между Нерчинскомъ и Иркутскомъ, Пашковъ естественно смотрѣлъ больше на западъ, чѣмъ на востокъ.

Наконецъ ожившій самъ собою Амурскій край производится въ Албазинское воеводство, и опять вмѣсто обѣщанныхъ еще въ 1653 г. 3000 войскъ, ему спустя тридцать лѣтъ присланъ былъ нѣмецкій инструкторъ поучить казаковъ, какъ нужно сражаться съ Манчжурами. Иными сло-

вами, едва начавшій заселяться край оставленъ былъ положительно безъ всякой защиты.

XV.

Когда послѣ боя у Ачанскаго городка манчжурскій намѣстникъ донесъ въ Пекинъ о приходѣ Русскихъ на Амуръ, то совершенно не интересовавшійся до тѣхъ поръ холоднымъ и пустыннымъ сѣвромъ и не подозрѣвавшій существованія такой рѣки богдыханъ понялъ сначала, что дѣло идетъ о Сунгари и Нонни. На это находчивые пекинскіе царедворцы доложили, что его величество не ошибается въ названіи рѣкъ, но что Сунгари имѣетъ еще одинъ притокъ, текущій сѣвернѣе Хинганскихъ горъ и называемый Тунгузами также Амуромъ. Результатомъ такого доклада было приказаніе: Манчжурамъ не ходить по Сунгари сѣвернѣе Хинганской тѣснины и не пускать къ себѣ Русскихъ

на югъ. Послѣ же набѣговъ Степанова, боясь за свою вотчину, богдыханъ приказалъ оттѣснить опаснаго для него сосѣда возможно далѣе отъ Манчжуріи.

Съ этою цѣлью въ 1671 г. Манчжуры заняли весь правый берегъ Амура (нынѣшняя Хейлундзянская провинція), построили противъ устья Зеи Айгунь и съ этой базы начали систематическую очистку Амурскаго бассейна. Къ концу 1684 г. изъ всѣхъ русскихъ поселеній остался одинъ только Албазинъ. Въ слѣдующемъ 1685 г. 18-тысячная манчжурская армія съ 60 орудіями подошла къ Албазину. Плохо снабженные огнестрѣльнымъ оружіемъ и боевыми припасами Албазинцы, всего 450 человѣкъ, стойко выдерживали жестокую бомбардировку, пока деревянныя стѣны острожка не были превращены въ щепы, а затѣмъ вынуждены были вступить въ переговоры и съ оружіемъ въ рукахъ отошли къ Нерчинску.

Несмотря на эту неудачу, не прошло и года, какъ на развалинахъ Албазина стучали уже топоры, доканчивая новыя хи-

жины; точно изъ земли выросъ солидный глиняный валъ, а за нимъ зеленѣли вспаханныя и засѣянныя вернувшимися на свои пепелища жителями поля!

Необычайное упорство Русскихъ въ бою и способность ихъ къ безконечному возрожденію начали внушать Пекину суевѣрный страхъ, и наиболѣе даровитый изъ сидѣвшихъ на китайскомъ престолѣ Манчжуровъ Канъ-си далъ повелѣніе отнять у насъ Амуръ во что бы то ни стало. И вотъ въ іюнѣ 1687 г. снова манчжурская армія (8000 чел. 40 ор.) подошла къ Албазину. Снова Албазинцы (736 чел. 6 ор.) сожгли свои дома за крѣпостью и зарылись въ землянки. Еще менѣе увѣренные въ себѣ, чѣмъ въ первую осаду, Манчжуры стали лагеремъ и прикрыли себя деревянною стѣною. Албазинцы одну часть стѣны сожгли каленными ядрами, другую подорвали. Тогда осаждавшіе обнесли свой станъ земляннымъ валомъ и, размѣстивъ на немъ орудія, открыли огонь. 1-го сентября они попробовали было штурмовать крѣпость, но, отбитые съ громаднымъ урономъ,

отошли на свою позицію. Къ несчастью, во время сентябрьской бомбардировки убитъ былъ храбрый воевода Толбузинъ, и затѣмъ среди осажденныхъ началась цынга. Зная положеніе крѣпости, Манчжуры тѣмъ не менѣе не осмѣливались на новый штурмъ Наоборотъ, уставшіе и почти наполовину ослабленные потерями отъ боевыхъ столкновеній и болѣзней, они чаще смотрѣли въ сторону Айгуня, чѣмъ Албазина. Въ февралѣ 1688 г. они совершенно прекратили бомбардировку, а въ маѣ отодвинулись на четыре версты и перешли къ блокадѣ. Въ это время въ крѣпости отъ всего гарнизона оставалось въ живыхъ лишь 66 человѣкъ. Но судьба Амура и всего нашего лѣваго фланга рѣшалась не подъ Албазиномъ, а въ Нерчинскѣ, и это рѣшеніе заключаетъ въ себѣ особый интересъ для мыслящей публики.

XVI.

Въ болѣе трудной и требующей бо́льшаго искусства, чѣмъ война, борьбѣ за жизнь, народъ представляетъ собою армію, въ которой каждый человѣкъ борется по собственной стратегіи и тактикѣ. Но правительство, какъ главнокомандующій своего народа, обязано: во-первыхъ, внимательно слѣдить за тѣмъ, въ какую сторону направляется народная предпріимчивость; во-вторыхъ, всесторонне и хорошо изучивъ театръ борьбы, безошибочно опредѣлять, какое изъ направленій наиболѣе выгодно для интересовъ всего государства, и, въ-третьихъ, съ помощью находящихся въ его распоряженіи средствъ, умѣло устранять встрѣчаемыя народомъ на его пути препятствія.

Разсматривая съ этой вышки наше положеніе на лѣвомъ флангѣ наканунѣ перваго русско-китайскаго договора 1689 г., мы видимъ слѣдующее: богатая пушнымъ звѣ-

ремъ тайга потянула нашу вольницу отъ Уральскихъ горъ прямо на востокъ-сѣверо-востокъ до конца Сибири. Но вотъ енисейскіе и якутскіе развѣдчики, уклонясь къ югу, открыли страну, которая по сравненію съ холодною и мрачною тайгою показалась имъ раемъ небеснымъ, ибо лѣса ея изобиловали тѣмъ же драгоцѣннымъ соболемъ, а рѣки рыбою, но при этомъ теплый климатъ и безграничныя пространства плодородной земли давали каждому желавшему возможность сдѣлаться помѣщикомъ.

Нѣтъ сомнѣнія конечно, что подобное географическое открытіе должно было оказать вліяніе на маршрутъ вольницы. А такъ какъ сама она, по отношенію ко всему Русскому народу, составляла лишь передовую часть, прокладывавшую путь другимъ, слѣдовавшимъ по ея стопамъ, предпріимчивымъ людямъ, то мало-по-малу и весь потокъ русской энергіи, нацѣленный первоначальными обстоятельствами на Камчатку, долженъ былъ уклониться къ юго-востоку, сначала на Амуръ, а затѣмъ и къ Желтому морю.

Лежавшую на этомъ пути Манчжурію нельзя было считать серьезнымъ препятствіемъ. Родина Чинчисхана[1] и наше историческое наслѣдство, она, подобно остальной территоріи Золотой орды, населена была сырымъ человѣческимъ матерьяломъ. Правда, манчжурскіе Тунгузы успѣли организовать государство, но вѣдь организація-то была случайная и временная, съ цѣлью похода на Китай. Образовавшаяся же послѣ завоеванія Небесной имперіи династическая связь съ послѣднею, не усиливая ни Манчжуріи, ни Китая, ставила лишь въ трагикомическое положеніе повелителя этихъ государствъ. Выведя изъ своей вотчины всѣ ея лучшія силы, богдыханы не могли отправить обратно ни одного человѣка, ибо сами непрочно сидѣли на пекинскомъ престолѣ. Посылать же на помощь Манчжурамъ Китайцевъ значило: не принеся никакой пользы дѣлу, въ то же время подорвать все обаяніе своего воен-

[1] Чингисханъ родился въ нынѣшней Хейлундзянской провинціи, въ одной изъ долинъ Хингана.

наго могущества. И такъ, въ результатѣ Манчжурія могла обороняться однѣми собственными силами. Боевыя же качества манчжурскихъ войскъ опредѣлились какъ при первой стычкѣ 150 казаковъ Хабарова съ 2000 манчжуровъ князя Изинея, когда въ рукопашномъ бою послѣдніе потеряли 750 человѣкъ убитыми, всѣ орудія и знамена, такъ и въ послѣдовавшихъ бояхъ, гдѣ наши противники были неукоснительно биты, разъ только ихъ приходилось менѣе полуроты на одного Русскаго.

При такихъ условіяхъ, если правительство по какимъ либо причинамъ не могло поддержать своевременно нашъ лѣвый флангъ войсками, то оно во всякомъ случаѣ должно было обратить вниманіе на тотъ фактъ, что открытіе Амура и появленіе на свѣтъ перваго, второго и третьяго Албазиновъ совершалось не административнымъ велѣніемъ, а вотъ какою причиною: въ то время какъ въ Якутскѣ фунтъ хлѣба стоилъ 10 — 15 коп., въ Албазинѣ весною 1687 г. рожь и овесъ продавались по 9 коп. за пудъ, пшеница по 12 коп.,

горохъ и конопляное сѣмя по 30 коп. Ѣшь—не хочу и наживайся, снабжая богатую золотомъ и мѣхами тайгу!

Эта простая и сильная, какъ сама жизнь, причина вмѣстѣ съ молодой энергіей не боявшагося препятствій и пріобрѣвшаго право пренебрежительно смотрѣть на загораживавшихъ ему путь туземцевъ народа были надежнымъ ручательствомъ тому, что на мѣстѣ третьяго Албазина возникъ бы четвертый, пятый и можетъ быть шестой, но въ концѣ концовъ русскіе люди безпрепятственно поплыли бы и въ низовья Амура, и къ верховьямъ Сунгари. Для этого требовалось только одно—самимъ не увеличивать тѣхъ преградъ, съ которыми справилась бы современемъ народная энергія.

Къ несчастью, сдѣлавъ уже одну крупную ошибку съ посылкою на Амуръ дворянина Зиновьева, московскіе приказы придумали новую и еще горшую. Не чувствуя силъ своего народа, не понимая совершавшихся событій и не зная поэтому что́ предпринять, они при первыхъ же вы-

стрѣлахъ въ головномъ отрядѣ отправили въ Пекинъ сначала канцеляриста Венукова, а за нимъ канцеляриста Логинова съ извѣщеніемъ, что вслѣдъ за этими гонцами ѣдетъ воевода Головинъ, чтобы съ общаго согласія положить границу между Россіею и Китаемъ, т. е. въ данномъ случаѣ провести черту, дальше которой нельзя наступать Русскому народу! [1]).

Сгорбившійся подъ тяжестью лѣтъ и жизненнаго опыта, Китай сейчасъ же понялъ всѣ выгоды такого предложенія и воспользовался имъ какъ нельзя искуснѣе. Хорошо зная, что у насъ во всемъ Нер-

[1] Многія слова, въ силу частаго ихъ повторенія, теряютъ обыкновенно свой глубокій внутренній смыслъ. Такъ, слово граница обозначаетъ собою преграду, стѣснительную для наступающаго и выгодную для обороняющагося. Давнымъ давно утратившій свою агрессивность и перешедшій къ оборонѣ Китай, замкнувшись со стороны моря и обнеся всѣ свои города высокими каменными валами, въ то же время воплотилъ и идею границы въ своей знаменитой великой стѣнѣ. Такъ какъ на своемъ лѣвомъ флангѣ Россія была наступающею стороною, то ясно, насколько ошибоченъ былъ починъ нашей дипломатіи.

чинскомъ воеводствѣ было не болѣе 500 казаковъ, китайскіе уполномоченные привели съ собою въ Нерчинскъ десятитысячную орду пѣшихъ и конныхъ слугъ, погонщиковъ, носильщиковъ и тому подобнаго, вооруженнаго всякимъ дреколіемъ люда. Съ этою, имѣвшею одно только подобіе военной силы, толпою, приведенною въ рѣшительный моментъ и на рѣшительный пунктъ театра борьбы за жизнь, Китай одержалъ надъ нами величайшую изъ когда либо одерживавшихся имъ побѣдъ.

Подъ угрозою атаковать Нерчинскъ, китайскіе уполномоченные заставили чувствовавшаго себя точно въ плѣну Головина подписать 26 августа 1689 г. печальной памяти Нерчинскій договоръ, согласно которому Россія должна была отказаться отъ всего принадлежавшаго ей по праву открытія Амурскаго бассейна. Не вовремя пожелавшаяся намъ граница съ Китаемъ проложена была: на западѣ по р. Горбицѣ, на сѣверѣ по Становымъ горамъ, а на востокѣ, по нетвердому знанію уполномоченными обоихъ государствъ географіи

страны, осталась неопредѣленною. Для лучшаго обозначенія сѣверной границы рѣшено было поставить вдоль нея каменные столбы. Албазинъ разрушить, и все, что оставалось русскаго на Амурѣ, увести на сѣверъ съ тѣмъ, чтобы на будущее время ни одинъ русскій человѣкъ не смѣлъ перешагнуть за запретную черту. Иными словами, слабый, никогда не могшій справиться съ кочевниками Китай, улучивъ минуту, заставилъ насъ,—молодой, полный наступательной энергіи народъ, поднять на свои плечи его уродливую стѣну и перенести ее на Горбицу и Становыя горы...

XVII.

Теперь, чтобы видѣть непосредственный результатъ этого договора, перенесемся мысленно въ Якутскъ, бывшій въ то время главнымъ этапомъ протоптаннаго казаками пути по тайгѣ. Ставъ на эту точку, мы сейчасъ же почувствуемъ себя въ положе-

ніи и витязя на распутьи, и нашей вольницы наканунѣ новыхъ ея подвиговъ: направо, по Становому хребту,—великая китайская стѣна, укрѣпленная всею строгостью наблюденія собственныхъ властей, налѣво—Лена, широкая, могущественная, но постепенно ведущая въ царство мрака и холодной смерти; прямо—та же суровая и задумчивая тайга, все съ большимъ и большимъ трудомъ всползающая на выроставшія передъ нею горы и все чаще и чаще уступающая поле битвы надвигающейся на нее съ сѣвера тундрѣ... Задумываться надъ тѣмъ, въ какую сторону держать путь, было нечего.

И вотъ, послѣ минутнаго роздыха, казаки—эти красивѣйшіе своею отвагою изъ всѣхъ рыскавшихъ по еще молодой тогда и просторной землѣ человѣческихъ хищниковъ, съ крестомъ на шеѣ и нѣсколькими зарядами за пазухой устремляются къ Охотскому морю, съ него на Камчатку, съ Камчатки на Курильскіе острова, съ Курильскихъ на Алеуты, съ Алеутовъ на никому, кромѣ русскихъ, неизвѣстный аме-

рuканскій берегъ. Безстрашно носясь на сколоченныхъ изъ подручнаго матерьяла судахъ по волнамъ вѣчно сердитаго и вѣчно кутающагося въ холодную мглу Великаго океана, они выписываютъ на безчисленныхъ островахъ его, мысахъ, бухтахъ и вулканахъ цѣлый календарь православныхъ святыхъ, въ перемежку съ именами Прибыловыхъ, Веніаминовыхъ, Павловыхъ, Макушиныхъ, Шумагиныхъ, Купріяновыхъ и т. д. и т. д. Божіею милостію полководцы и государственные люди Шелеховы и Барановы завоевываютъ и устраиваютъ за моремъ цѣлыя царства и накладываютъ свою руку на самый океанъ.

Такой энергіи, предпріимчивости и дарованій хватило бы не на одну Манчжурію, представлявшую собою послѣдній «клинъ» Татаріи и послѣдній этапъ нашего сухопутнаго марша къ Востоку, но и на достиженіе главнѣйшей жизненной цѣли нашей.

А чтобы понять, въ чемъ именно заключалась послѣдняя, вспомнимъ сначала, что въ теченіе многихъ вѣковъ подъ словомъ «Востокъ» западно-европейскіе народы под-

разумѣвали тѣ южно-азіатскія страны, которыя Небо щедро наградило драгоцѣнными произведеніями тропиковъ; знаменитыя страны ароматовъ, слоновой кости, чернаго дерева, золота, самоцвѣтныхъ камней, камеди и въ особенности многочисленнаго собранія продуктовъ, какъ чай, сахаръ кофе, перецъ, корица и т. д., извѣстныхъ на Западѣ подъ общимъ именемъ «пряностей», а у насъ «колоніальныхъ товаровъ».

Вѣдь не для чего другого, какъ для отысканія этихъ странъ, предпринятъ былъ въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ цѣлый рядъ морскихъ походовъ, создавшихъ плеяду славныхъ именъ, во главѣ съ Васко де Гама, открывшимъ путь на югъ Азіи вокругъ мыса Доброй Надежды, и Христофоромъ Колумбомъ, отправившимся на поиски Индіи и нашедшимъ Америку.

Запертая со всѣхъ сторонъ на сушѣ, Россія не могла конечно и думать тогда ни о какихъ экспедиціяхъ и ни о какихъ тропическихъ странахъ. Но вотъ пришло время, и сама судьба начала направлять насъ къ тому же «Востоку». Когда наша

вольница, молодцовато закинувъ кремневку за плечи, собиралась уже выступать изъ Якутска — Провидѣніе зажгло на Амурѣ такой сильный маякъ, свѣтъ котораго сразу же сдѣлался виденъ всей Россіи, и этимъ ясно сказало намъ «вотъ ваша дорога!» Небольшое препятствіе, которое Оно положило на этомъ пути въ лицѣ Манчжуріи, было необходимо, чтобы задержать шедшія налегкѣ и слишкомъ выдвинувшіяся впередъ головныя части, заставить ихъ уцѣпиться за землю, выждать подхода новыхъ эшелоновъ и затѣмъ уже въ наступномъ порядкѣ идти отъ «теплой рѣки» къ «теплому морю».

Если бы на прохожденіе этого послѣдняго этапа и на обращеніе самаго слабаго изъ остатковъ Золотой орды въ совершенно русскую страну намъ понадобилось даже полтораста лѣтъ, то и въ этомъ случаѣ уже сто лѣтъ назадъ мы стояли бы на берегахъ Желтаго моря столь же безопасно, какъ сейчасъ на берегу Балтійскаго.

А теперь возьмите циркуль, измѣрьте, во сколько разъ ближе были бы мы съ этой

базы къ Индіи, Сіаму, Зондскому архипелагу, Филиппинамъ и находившемуся бы на одномъ съ нами дворѣ Китаю, чѣмъ вся Западная Европа, или Америка, долженствовавшія путешествовать вокругъ мысовъ Доброй Набежды и Горна,—и вамъ станетъ ясно, что главнѣйшая задача всей государственной политики нашей заключалась въ обладаніи богатымъ югомъ Азіи, являющимся естественнымъ дополненіемъ бѣднаго Сѣвера. Съ своимъ первобытнымъ взглядомъ на жизнь и первобытнымъ оружіемъ Татары рѣшали эту задачу въ формѣ господства надъ Китаемъ и Индіей;—мы же, какъ народъ высшей культуры, должны были рѣшить ее иначе, а именно: закончивъ наше наступленіе черезъ Сибирь выходомъ къ Желтому морю, сдѣлаться такою же морскою державою на Тихомъ океанѣ, какъ Англія на Атлантическомъ, и такими же покровителями Азіи, какъ Англо-Саксы С. Штатовъ—Американскаго материка. При этомъ условіи мы были бы теперь не бѣднѣе и не слабѣе страшно тѣснящихъ насъ нынѣ жизненныхъ соперниковъ.

Къ несчастью, задача эта не была понята нами и къ самому важному историческому моменту, когда указанная намъ самимъ Провидѣніемъ арена была еще свободна, когда Англо-Саксамъ Америки предстояло еще перейти отъ Атлантическаго океана черезъ всю ширь своего материка, а Франція и Англія вступили въ борьбу, долженствовавшую рѣшить, которое изъ этихъ государствъ впредь до полнаго истощенія вынуждено будетъ вращаться въ орбитѣ честолюбія своего противника—мы оказались точно распятыми на крестѣ нашего нерчинскаго недомыслія:

Въ одной сторонѣ—за Тихимъ океаномъ—оторвавшаяся отъ государства огромнѣйшая творческая сила, въ титанической борьбѣ съ туманами, бурями, дикарями и бѣлыми бандитами, строила эфемерную Россійско-американскую Имперію, т. е. выравнивала и уплотняла почву для Англо-Саксовъ Америки; въ другой—на поляхъ Италіи, на высяхъ Швейцарскихъ горъ, подъ Шенграбеномъ, Аустерлицемъ, Прейсишъ Эйлау, Фридландомъ и по всему кровавому

пути отъ Москвы до Парижа доблестнѣйшая изъ всѣхъ армій собирала камни для пьедестала англійскому величію . . . . . .

. . . . . .

XIII.

Въ теченіе всего этого времени превратившаяся изъ великаго историческаго пути въ столь или не столь отдаленныя мѣста Сибирь, какъ заброшенное поле, начала поростать сорными травами, среди которыхъ ярче другихъ выдѣлился своею весьма конфузною для нашей освѣдомленности и государственнаго трезвомыслія зеленью чертополохъ «желтой опасности».

Не сумѣвъ войти въ Китай съ открывающагося на море параднаго подъѣзда и помирившись на узенькой кяхтинской щели,—мы, изъ страха потерять и послѣднюю, во-первыхъ, не рѣшились высказать свое удивленіе: когда же это и какимъ образомъ ни разу не вылѣзавшій изъ-за своей

каменной перегородки Китай овладѣлъ цитаделью Татаріи — Монголіей и оказался нашимъ непосредственнымъ сосѣдомъ? Во-вторыхъ, узаконивъ молчаніемъ этотъ захватъ, мы точно связали себя клятвою никогда не заглядывать за новую китайскую границу и не интересоваться тѣмъ, что тамъ происходитъ.

Въ результатѣ получилось вотъ что:

Въ то время, какъ наши политическіе изслѣдователи съ усердіемъ семидесяти толковниковъ цѣлыми томами поясняли смыслъ загадочной строки нерчинскаго трактата «... далѣе, по тѣмъ же горамъ, до моря протяженнымъ...», а Академія Наукъ ломала голову надъ вопросомъ, куда же дѣвались тѣ видѣнныя однимъ изъ ея членовъ Мидендорфомъ кучи камней, которыя должны были изображать собою пограничные столбы?—графъ Несельроде, основываясь въ 1850 г. на донесеніяхъ селенгинскаго коменданта Якоби, писанныхъ въ 1756 г. (т. е. 94 года назадъ), и на сообщеніяхъ іеромонаха Іакинфа, докладывалъ Государю и, какъ министръ иностранныхъ

дѣлъ, убѣждалъ Особый Комитетъ не касаться Амура, въ устьѣ котораго есть большіе города, крѣпости и цѣлая китайская флотилія съ экипажемъ въ 4.000 человѣкъ.

Свѣдѣнія министра оказались на повѣрку ошибочными. На нижнемъ Амурѣ ни о какихъ городахъ, крѣпостяхъ и флотиліи не было и помину. Невельской нашелъ тамъ только одного стараго манчжурскаго купца, на колѣняхъ умолявшаго простить его дерзость и не выдавать манчжурскимъ властямъ. Вверхъ по рѣкѣ прозябали тѣ же полуосѣдлые Дауры. Выстроившійся для встрѣчи Н. Н. Муравьева айгуньскій гарнизонъ поражалъ убожествомъ своего вида и допотопностью вооруженія. На желаніе генералъ-губернатора почтить салютомъ своего гиринскаго коллегу, послѣдній отвѣтилъ поспѣшною просьбою не дѣлать этого, «потому что мы народъ мирный, да и наши военные не любятъ выстрѣловъ».

Все это ясно говорило, что взявшій на себя роль охранителя Китая сырой манчжурскій матерьялъ разложился оконча-

тельно, и что правъ былъ Равенштейнъ, указывая на полную беззащитность самой Манчжуріи и на возможность для насъ въ любой моментъ съ одною дивизіей дойти до Печилійскаго залива, а при желаніи и до Пекина. Его опасенія были ошибочны лишь въ томъ отношеніи, что, вполнѣ довольные безкровнымъ занятіемъ лѣваго берега Амура, сами мы, во-первыхъ, недоумѣвали, зачѣмъ собственно говоря нуженъ намъ Печилійскій заливъ? и, во-вторыхъ, были убѣждены, что какія бы тамъ сказки ни разсказывала исторія, а четыреста милліоновъ всетаки серьезная вещь!

Этотъ выросшій на почвѣ глубокой неосвѣдомленности суевѣрный страхъ передъ цифрою явился одною изъ причинъ непростительно долгаго лежанія подъ сукномъ Сибирской желѣзной дороги, о постройкѣ которой хлопоталъ еще Муравьевъ. Продолжая смотрѣть на Азію глазами находившихся въ иныхъ условіяхъ и имѣвшихъ еще кое-какое право не торопиться московскихъ приказовъ, мы пугались созданнаго нашимъ воображеніемъ миража и не замѣчали слѣ-

дующей убійственной дѣйствительности: маленькій, но управляемый большими и смѣлыми людьми островной народъ, явясь Богъ знаетъ откуда и зайдя съ другого конца указывавшейся намъ судьбою арены, овладѣлъ сначала Индіей и безбоязненно посадилъ надъ тремя стами милліонами ея семьдесятъ тысячъ своихъ чиновниковъ. Направившись затѣмъ къ востоку, онъ безъ малѣйшаго колебанія подошелъ къ четырехсотмилліонному Китаю, силою заставилъ его открыть на море всѣ окна и двери, посадилъ въ Пекинѣ своихъ совѣтниковъ и приступилъ къ работѣ по закупоркѣ намъ выхода къ Печилійскому заливу.

Въ 1861 г. на томъ пути, по которому съ своею сорокатысячною ордою прошелъ изъ Манчжуріи въ Пекинъ послѣдній сѣверный завоеватель Нурачу, Англичане заняли Ньючвангъ. Чтобы помочь Китаю поскорѣе справиться съ тайпингскимъ возстаніемъ и сосредоточить вниманіе на оборонѣ Манчжуріи, они предоставили въ распоряженіе пекинскаго правительства маіора Гордона. Во время голода 1864 г. посовѣтовали Ки-

таю направить изъ провинціи Шанзи переселенцевъ на находившійся до тѣхъ поръ подъ строгимъ запретомъ сѣверъ. Наконецъ, по совѣту англійскихъ спеціалистовъ, Китай приступилъ къ укрѣпленію Портъ-Артура, устройству арсеналовъ въ Гиринѣ и Мукденѣ, проведенію телеграфа въ Айгунь и реорганизаціи манчжурскихъ войскъ.

Хорошо понимая всю бутафорію этихъ мѣропріятій и смѣясь въ душѣ надъ «желтымъ неразумiемъ» людей, не могущихъ разобраться въ томъ, что дѣлается у нихъ же подъ бокомъ, англійская печать, откуда мы и до сихъ поръ черпаемъ всю нашу политическую мудрость, воодушевленіе и страхи, заблаговѣстила о воскресеніи народа, набальзамированнаго обычаями, одѣтаго въ общій для всѣхъ 400.000.000 мундиръ, повитаго фыньшунемъ и двѣ тысячи лѣтъ назадъ улегшагося въ каменные гробы своихъ городскихъ стѣнъ,—заблаговѣстила и произвела нужное ей впечатлѣніе....

Если бы не сильная воля Императора Александра III, мы вѣроятно такъ бы и

замерли въ почтительномъ созерцаніи горизонта, на которомъ вотъ-вотъ появится отростившій себѣ новые когти четырехсотъ-милліонный драконъ!...

XIV.

Этотъ, созданный исключительно нашимъ воображеніемъ, миражъ вторично остановилъ ходъ нашей исторіи, и когда въ 1891 г. мы приступили, наконецъ, къ постройкѣ Сибирскаго пути, то благопріятное время для этого было упущено и притомъ навсегда, ибо вслѣдъ за одними соперниками, Англичанами, на великую восточную арену стремились уже Англо-Саксы Америки.

Чтобы ускорить движеніе по своему материку, Американцы въ 1862 г., т. е. какъ разъ въ то время, когда эскадра Лесовскаго, стоя въ Нью-Іоркской гавани, охраняла нашихъ «традиціонныхъ друзей» отъ Западной Европы, заложили первую желѣзную дорогу, за которой послѣдовала

вторая, третья, четвертая и пятая. Въ противовѣсъ Владивостоку, они къ сѣверу отъ С.-Франциско основали достигшіе въ настоящее время огромнаго развитія порты—Сіатлъ, Такому и Портландъ. Скупивъ затѣмъ черезъ подставныхъ лицъ акціи Россійско-Американской компаніи, они почти даромъ забрали Аляску и вытолкнули насъ изъ Тихаго океана, оставивъ пока въ видѣ памятника былому нашему величію въ этихъ водахъ Командорскіе острова съ могилою Беринга...

Одновременно съ такою матеріальною подготовкою, американскіе профессора, писатели и ораторы на страницахъ серьезныхъ журналовъ, съ университетскихъ каѳедръ и подмостковъ общественныхъ собраній начали уяснять народу, что ни одно государство, какъ бы оно богато ни было, не можетъ существовать исключительно собственными средствами. Подобно верблюду, сберегающему свой горбъ на случай крайности, ему нужно получать свое питаніе извнѣ. Этимъ питаніемъ должна служить заграничная торговля, а образцо-

вому разрѣшенію питательнаго вопроса надо учиться у Англичанъ. Еще невиданная міромъ имперія этого народа скована цѣпью, состоящею изъ трехъ звеньевъ: 1) огромнаго производства необходимыхъ человѣчеству предметовъ; 2) облегающихъ земной шаръ морскихъ путей съ многочисленнѣйшимъ подвижнымъ составомъ, въ видѣ торговаго флота, и 3) внѣшнихъ рынковъ. Что внѣшніе рынки—это залогъ матеріальнаго благополучія, внутренняго міра и высокаго умственнаго развитія. Наконецъ, что въ виду всего этого первымъ шагомъ Американцевъ къ достиженію внѣшнихъ рынковъ должно быть твердое рѣшеніе всего народа не допустить ни одно изъ иностранныхъ государствъ къ пріобрѣтенію угольныхъ станцій на разстояніи 3.000 миль отъ С.-Франциско и Центральной Америки.

Согласно преподанной въ такой формѣ директивѣ, поселившіеся на Кубѣ и Гаваяхъ американскіе промышленники и торговцы подымаютъ въ 1893 г. возстаніе на этихъ островахъ и поддерживаютъ его въ

ожиданіи момента, наиболѣе благопріятнаго для открытаго вмѣшательства С.-А. Соединенныхъ Штатовъ [1].

Вмѣстѣ съ тѣмъ и на востокѣ Азіи начало свою работу то принесенное въ міръ Англо-Саксами искусство борьбы за жизнь, посредствомъ котораго новые завоеватели создаютъ событія и усѣиваютъ ими море жизни такимъ образомъ, что на этихъ подводныхъ камняхъ терпятъ крушеніе одинаково и друзья, и враги Англо-Саксовъ.

Уже съ перваго дня постройки Сибирской желѣзной дороги спеціальные американскіе совѣтники при японскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ начали указывать Японіи на то, что Россія никоимъ образомъ не можетъ удовлетвориться замерзающимъ на 110 дней въ году и лежа-

[1] «Возстаніе на Кубѣ, говоритъ извѣстный американскій дипломатъ Е. Д. Фелпсъ, погибло бы само собою отъ истощенія, если бы оно не поддерживалось и духовно и матеріально постоянною посылкою подкрѣпленій изъ С. Штатовъ, въ прямое нарушеніе нашихъ законовъ о нейтралитетѣ и договорныхъ обязательствъ».

щимъ на закрытомъ морѣ Владивостокомъ, какъ конечною станціею своего грандіознаго пути, и будетъ искать новаго, болѣе удобнаго выхода на Корейскомъ полуостровѣ. Помѣшать этому движенію не могли бы ни сама Корея, ни предъявляющій не нее свои верховныя права Китай. Съ утвержденіемъ же Россіи на Корейскомъ полуостровѣ, Японія, по словамъ ея американскихъ благожелателей, оказалась бы на краю гибели; а поэтому ей слѣдовало бы предупредить Россію и самой занять Корею.

XV.

Проникшись простыми и ясными доводами своихъ совѣтниковъ, японское правительство посредствомъ разосланныхъ по Китаю офицеровъ осмотрѣло мѣста высадокъ, дороги, переправы, укрѣпленія; пересчитало китайскихъ солдатъ, лошадей, пушки, повозки; навело справки о харак-

терѣ и способностяхъ генераловъ, и въ іюлѣ 1894 г. неожиданно для всѣхъ двинуло свои войска на Небесную имперію.

Боями 3 и 4 сентября 1894 г. въ Кореѣ и у береговъ ея Японцы открыли себѣ путь въ Манчжурію сушей и моремъ. Одна колонна ихъ переправилась черезъ Ялу и пошла на Фенхуанченъ и Хайченъ. Другая, высадившись у Бидзыво и сѣвернѣе Таліенвана, овладѣла Портъ-Артуромъ. Затѣмъ обѣ колонны соединились, выбросили въ мартѣ 1895 г. Китайцевъ за Ляохэ, и Японія объявила о своемъ намѣреніи удержать за собою всѣ пройденныя ея войсками земли.

Но, протягиваясь такимъ образомъ отъ Сахалина черезъ всю Корею и южную Манчжурію до устьевъ Ляохэ, Японія, во-первыхъ, совершенно загораживала собою выходъ для насъ къ Желтому морю и, во-вторыхъ, становилась въ угрожающее положеніе по отношенію къ Пекину. Само собою разумѣется, что это обстоятельство должно было повлечь за собою сближеніе Россіи и Китая.

Не любя въ Японцахъ умаленное и искаженное изображеніе своей собственной цивилизаціи и считая ихъ народомъ недостаточно самостоятельнымъ въ своихъ мнѣніяхъ, обидчивымъ и готовымъ лѣзть въ драку, не подумавъ раньше, выгодна-ли она имъ самимъ,—Китай сейчасъ же обратился къ заступничеству своего сѣвернаго сосѣда, — и, по совѣту Россіи, Германіи и Франціи, Японія принуждена была взять свои требованія обратно.

Будь Японцы немножко прозорливѣе и не оправдывай они только что приведенное въ мягкой формѣ мнѣніе объ нихъ старика Лихунчанга, то послѣ перваго же даннаго имъ жизнью урока они должны были бы замѣтить всю ошибочность ихъ столь же блестящей, сколько и вредной для государственныхъ интересовъ китайской кампаніи.

Устремивъ, по внушенію своихъ предательскихъ совѣтчиковъ, вниманіе на теплыя и богатыя для насъ, но бѣдныя и холодныя для нихъ Корею и Манчжурію, они прежде всего сами отводили себя въ

совершенно противоположную сторону отъ той богатѣйшей страны, къ которой направлялись Англичане, Американцы и Русскіе. Вылѣзая затѣмъ изъ своей окруженной широкими бездонными рвами крѣпости на материкъ, они — изъ свободнаго въ дѣйствіяхъ народа, имѣвшаго возможность, подобно Англіи, развить свою промышленность и распространить свою дѣловую энергію на всю арену — добровольно превращались въ англо-саксонскаго караульщика, становившагося у сѣверныхъ воротъ и обязывавшагося не пропускать Русскихъ до прибытія въ Азію Американцевъ.

Россія насильно сняла ихъ съ этого поста и перевела на южные рельсы, но у Японцевъ хватило государственной мудрости лишь на то, чтобы запомнить насиліе, а наша дипломатія не могла помочь имъ сдвинуться съ мѣста, потому что, сосредоточивъ все свое вниманіе на Манчжуріи, сама не замѣчала того, что дѣлалось за предѣлами послѣдней[1].

[1] Въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенной на обѣдѣ Тобо Кіокаи 12 декабря 1903 г., первый ора-

XVI.

Получивъ за свою помощь Китаю въ аренду Ляодунскій полуостровъ и право на проведеніе по Манчжуріи желѣзной дороги къ Владивостоку и Портъ-Артуру, Россія достигла наконецъ теплаго моря, а вмѣстѣ съ нимъ и возможности освободить хотя бы одну ногу отъ тѣхъ ледяныхъ кандаловъ, отъ которыхъ на ея тѣлѣ

кулъ Японіи графъ Окума сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Послѣ вмѣшательства Россіи, Германіи и Франціи въ 1895 г. рѣшено было оставить въ покоѣ сѣверъ и наступать къ югу. На югѣ были Филиппины и Гаваи. Затѣмъ еще далѣе къ экватору и полюсу — Океанійскіе острова и Австралія. Сосѣднія страны встревожились... Не помню точно—въ августѣ или сентябрѣ 1895 г. между Японіей и Испаніей заключенъ былъ договоръ, которымъ обѣ державы обязывались взаимно уважать неприкосновенность ихъ владѣній. Такимъ образомъ наступленіе къ югу было остановлено, на сѣверѣ все оставалось попрежнему и нашъ народъ вынужденъ былъ подчиниться своей судьбѣ...».

начала появляться уже нехорошая краснота.

Но не успѣли еще наши обреченные на вѣчное скитаніе по чужимъ портамъ моряки бросить якорь въ столь желанной собственной бухтѣ, какъ въ тотъ же мигъ по другую сторону Печилійскаго залива надъ никого не интересовавшимъ до той поры Вей-хай-веемъ затрепеталъ въ воздухѣ англійскій флагъ. Вслѣдъ затѣмъ у береговъ Кубы взрывается и тонетъ, унося съ собою на дно моря какую-то страшную тайну, американскій крейсеръ «Мэнъ». И вотъ наэлектризованный до послѣдней степени и ждавшій лишь первой искры американскій народъ съ яростнымъ ревомъ «To hell with Spain!» бросается на ни въ чемъ, кромѣ своей слабости, неповинную Испанію.

Съ помощью все время поддерживавшихся ими кубинскихъ и филиппинскихъ революціонеровъ, Американцы овладѣваютъ Кубою, Гуамомъ и Филиппинами и такимъ образомъ въ нѣсколько скачковъ оказываются въ самомъ центрѣ великой восточной арены...

По окончаніи войны побѣдитель испанскаго флота подъ Манилою комодоръ Дюи буквально засыпанъ былъ почестями. Всѣ некрасивыя сооруженія американскихъ жилищъ по его пути исчезли подъ пестрѣвшими всевозможными красками флагами, матеріями, цвѣтами и зеленью; толстый коверъ изъ живыхъ розъ покрылъ собою мостовую; сотни тысячъ мужчинъ съ обнаженными головами оглушительными криками привѣтствовали своего національнаго героя; красивѣйшія женщины С. Штатовъ считали за счастье прикоснуться губами хотя бы къ обшлагамъ его мундира; конгрессъ благодарилъ его отъ имени народа и поднесъ роскошный дворецъ, а сенатъ—чинъ полнаго адмирала.

Изъ застольныхъ рѣчей на банкетѣ, данномъ въ честь прибывшихъ на торжества Англичанъ, выяснились затѣмъ и внутреннія причины столь необычайнаго тріумфа. Въ то время какъ англійскій философъ Бенджаминъ Киддъ ставилъ побѣду Дюи рядомъ съ побѣдою Велингтона,—американскіе ученые видѣли въ ней событіе, равное

побѣдѣ Карла Мартела 732 г., положившей начало отступленію съ жизненной арены Мавровъ. Ибо, по словамъ профессора Гидингса, въ бою подъ Манилою зашедшіе съ юга Азіи Англо-Саксы направляли свои орудія черезъ головы уже повергнутыхъ ими Испанцевъ противъ Великой Славянской Державы и открывали борьбу, которая къ серединѣ двадцатаго столѣтія должна будетъ закончиться торжествомъ англо-саксонской расы на всемъ земномъ шарѣ.

XVII.

Планъ этой борьбы, разработанный самыми сильными англо-саксонскими умами и доведенный до свѣдѣнія народа посредствомъ сотенъ тысячъ экземпляровъ сочиненій адмирала Мэхана, сенатора Бевериджа, Джозайи Стронга и другихъ выдающихся своими талантами писателей, заключался въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ:

Главнымъ противникомъ Англо-Саксовъ на пути къ міровому господству является Русскій народъ. Полная удаленность его отъ міровыхъ торговыхъ трактовъ, т. е. моря, и суровый климатъ страны обрекаютъ его на бѣдность и невозможность развить свою дѣловую энергію. Вслѣдствіе чего, повинуясь законамъ природы и расовому инстинкту, онъ неудержимо стремится къ югу, ведя наступленіе обѣими оконечностями своей длинной фронтальной линіи.

На путяхъ его наступленія лежатъ Китай, Персія и Малая Азія, населеніе которыхъ истощило уже свою творческую энергію. Между тѣмъ страны эти нуждаются во многомъ. Ужъ одна постройка десятковъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ явилась бы широкимъ полемъ дѣятельности для русскихъ инженеровъ оживила бы русскую промышленность и дала бы Русскому народу обильныя средства для дополнительнаго питанія и для развитія его высокихъ отъ природы физическихъ и духовныхъ качествъ; что въ свою очередь сдѣлало

бы его еще болѣе сильнымъ соперникомъ Англо-Саксовъ.

При такихъ условіяхъ необходимо:

I. Уничтоживъ торговый и военный флоты Россіи и ослабивъ ее до предѣловъ возможнаго, оттѣснить отъ Тихаго океана въ глубь Сибири.

II. Приступить къ овладѣнію всею полосою южной Азіи между 30 и 40 градусами сѣверной широты и съ этой базы постепенно оттѣснять Русскій народъ къ сѣверу. Такъ какъ по обязательнымъ для всего живущаго законамъ природы съ прекращеніемъ роста начинается упадокъ и медленное умираніе, то и наглухо запертый въ своихъ сѣверныхъ широтахъ Русскій народъ не избѣгнетъ своей участи.

Выполненіе первой изъ этихъ задачъ требуетъ сотрудничества главныхъ морскихъ державъ и тѣхъ политическихъ организацій, которыя заинтересованы въ разложеніи Россіи.

Теперь, что касается второй задачи, то самая середина вышеуказанной полосы, заключающая въ себѣ Тибетъ и Авгани-

станъ, будетъ занята съ главной англійской базы—Индіи, а въ отношеніи Китая съ одной стороны и Персіи и Турціи съ другой должны быть приняты особыя мѣры.

Вопросъ о томъ, что дѣлать съ Китаемъ, правительство и народъ котораго, не зная и не желая прогресса, вполнѣ довольны своимъ неподвижнымъ состояніемъ, — весьма сложенъ. Само собою разумѣется, что здѣсь не должно быть и рѣчи о выселеніи нынѣшнихъ обитателей—это было бы невыполнимо. Но во всякомъ случаѣ нынѣшній императоръ не можетъ оставаться на престолѣ и столица должна быть перенесена подальше отъ русскаго вліянія—на Янтсекіангъ, а затѣмъ, какъ будетъ организовано дальнѣйшее управленіе страною, т. е. учрежденіемъ ли новаго англо-саксонскаго вице-королевства, подобно тому какъ въ Индіи, или же постановкою правительства въ номинальное положеніе, какъ въ Египтѣ—это подробности, говорить о которыхъ преждевременно.

Въ прошломъ подобныя перемѣны совершались обыкновенно такъ. Первою явля-

лась въ страну частная торговая предпріимчивость. При неспособности мѣстныхъ властей регулировать сложные интересы пришельцевъ, начинали возникать недоразумѣнія, дававшія поводъ ко вмѣшательству иностраннаго государства въ цѣляхъ защиты своихъ подданныхъ. Вмѣшательство это не ограничивалось простымъ исправленіемъ ошибокъ и обязательствомъ не дѣлать ихъ въ будущемъ, а непремѣнно полученіемъ права на участіе въ мѣстномъ управленіи. Разъ посѣянныя такимъ образомъ сѣмена начинали прорастать и съ теченіемъ времени покрывали собою страну. Переходя наконецъ къ правому русскому флангу, — вообразимъ на мѣстѣ нынѣшняго турецкаго хаоса въ Малой Азіи, Сиріи и Месопотаміи высоко цивилизованное современное государство съ хорошо организованными арміей и флотомъ. Раскинувшись между Каспійскимъ, Чернымъ, Средиземнымъ, Краснымъ морями и Персидскимъ заливомъ, это государство плотно закрыло бы тотъ выходъ, которымъ Россія пока легко могла бы достигнуть Индійскаго океана.

Такое государство не существуетъ еще, но нѣтъ причинъ, чтобы оно не появилось въ будущемъ. Процессъ образованія его долженъ начаться извнѣ, ибо и турецкое и персидское правительства въ достаточной степени обнаружили свою неспособность къ обновленію управляемыхъ ими народовъ. Затѣмъ въ отношеніи мѣстнаго населенія не слѣдуетъ забывать принципъ, что естественное право на землю принадлежитъ не тому, кто сидитъ на ней, а тому, кто добываетъ изъ нея богатства [1]...

[1] Блестяще обработанный для публики А. Мэханомъ планъ этотъ напечатанъ былъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1900 г. въ «Harper's New Monthly Magazine» и въ «North American Review», а затѣмъ статьи собраны въ отдѣльную книгу «The Problem of Asia and its Effect upon International Policies», by A. T. Mahan.

XVIII.

Такъ какъ для выполненія первой части (I) этого плана одной тщательно подготовлявшейся къ войнѣ съ Россіею Японіи было недостаточно, а сами Англо-Саксы выступать противъ насъ открыто не имѣли въ виду, то естественно возникаетъ вопросъ, какія же еще силы должны были войти въ составъ организовавшейся противъ насъ тайной коалиціи?

Раньше чѣмъ отвѣтить на него, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ Стратегіею «передовыхъ базахъ». Собираясь напримѣръ воевать съ тою или другою страною, Римляне заблаговременно поселяли въ ней своихъ людей, которые посредствомъ связей съ населеніемъ и близкаго знакомства съ краемъ оказывали большія услуги римскимъ арміямъ при вторженіи ихъ въ эту страну.

Этотъ первобытный видъ передовыхъ базъ былъ усовершенствованъ затѣмъ Ан-

гличанами слѣдующимъ образомъ. Въ средніе вѣка въ Западной Европѣ существовалъ союзъ каменщиковъ, занимавшихся исключительно постройкою церквей готическаго стиля. Желая удержать за собою монополію этого выгоднаго труда и ревниво охраняя поэтому тайну своего искусства, каменщики выработали особый, строго соблюдавшійся ими обрядъ при пріемѣ въ цехъ новаго члена и при производствѣ работъ. Каждый день на разсвѣтѣ всѣ рабочіе собирались на открытомъ мѣстѣ и выстраивались полукругомъ передъ главнымъ мастеромъ, который становился спиною къ востоку, чтобы при восходящемъ солнцѣ хорошо разглядѣть лица—нѣтъ ли среди рабочихъ чужого. Изъ той же предосторожности всѣ объясненія предстоявшихъ работъ давались на условномъ языкѣ. Затѣмъ рабочіе отправлялись въ «ложу», или сарай, гдѣ хранились инструменты и, разобравъ послѣдніе, становились на работы...

Съ появленіемъ стиля ренесансъ, готическій стиль началъ выходить изъ моды и

съ теченіемъ времени сильно интересовавшая всѣхъ своею таинственностью масонская организація умерла естественною смертью; но уставъ ея сохранился. Случайно наткнувшись на него, талантливые артисты въ игрѣ на человѣческихъ слабостяхъ, Англичане рѣшили воспользоваться имъ для организаціи новаго союза строителей, цѣлью которыхъ было бы «нравственное самоусовершенствованіе, равносильное возведенію символическаго храма» — или правильнѣе созданіе британскаго могущества!

Первая или «великая ложа» основана была въ Лондонѣ въ 1717 г. и, чтобы сдѣлать новое масонство вопросомъ моды, на должность мастера выбрано было высокопоставленное лицо, а распространеніе новаго масонства по другимъ странамъ взяли на себя англійскіе аристократы. Вслѣдъ за новыми ложами въ Англіи, лордъ Дервенсватеръ, дворянинъ Момелонъ, сэръ Гентри и нѣсколько другихъ англійскихъ джентльменовъ устроили ложи во Франціи. Великій мастеръ графъ Стратморъ далъ посвященнымъ въ Лондонѣ одиннадцати

нѣмецкимъ господамъ и добрымъ братьямъ разрѣшеніе на открытіе ложъ въ Германіи. Секретарь англійскаго посольства въ Стокгольмѣ Фулманъ получилъ приказаніе лорда Банлея организовать ложи въ Швеціи. Лордъ Гамильтонъ открылъ ложу въ Женевѣ; герцогъ Мидлэссекскій—во Флоренціи, Миланѣ, Веронѣ, Падуѣ, Венеціи и Неаполѣ; лордъ Калейранъ—Гибралтарѣ и Мадридѣ; Гордонъ—въ Лиссабонѣ, Минихъ—Копенгагенѣ; капитанъ Филипсъ—въ Петербургѣ, Москвѣ, Ярославлѣ и Архангельскѣ.

Какъ общее правило, въ члены ложъ принимались только лица, наиболѣе вліятельныя по своему общественному или служебному положенію. Затѣмъ для завѣдыванія ложами въ каждой странѣ назначалась своя «великая ложа», великій мастеръ которой, нося званіе провинціальнаго, въ свою очередь подчинялся англійской ложѣ. Такимъ образомъ всѣ государства Европы превращены были въ своего рода англійскія провинціи. На ритуалахъ ложъ читалась особая молитва за англій-

скаго короля. Мѣстные англійскіе дипломаты были наиболѣе почетными членами ложъ, а наѣзжавшіе изъ Лондона члены ложи-родоначальницы — наиболѣе почетными гостями.

Само собою понятно, какую роль должны были сыграть эти идеальныя передовыя базы въ образованіи безконечныхъ коалицій противъ Франціи, или, какъ говорилось въ ложахъ, — антихриста Наполеона, — и впослѣдствіи, когда патріархомъ масоновъ былъ лордъ Пальмерстонъ, а въ подчиненіи у него, по масонской іерархіи, состояли Кошутъ, Гарибальди, Мадзини, Ратацци, Кавуръ и даже Наполеонъ III...

XIX.

Направившись по стопамъ Англичанъ и распространивъ сначала, благодаря организаторскому таланту Альберта Пайка, сѣть своихъ наблюдательныхъ треугольниковъ на четыре пятыхъ земного шара, Аме-

риканцы перешли затѣмъ къ образованію въ чужихъ странахъ такихъ передовыхъ базъ, на которыхъ они могли производить уже формированіе революціонныхъ армій, какъ напримѣръ въ Мексикѣ, на Кубѣ и Филиппинахъ.

Съ такою именно цѣлью обратили они свое вниманіе и на «русскихъ нигилистовъ». Но послѣ основательныхъ развѣдокъ, произведенныхъ въ Европейской Россіи и Сибири, увидѣли, что слабовольная, расплывшаяся въ морѣ неопредѣленныхъ желаній русская молодежь даже въ разрушительной работѣ можетъ играть лишь подчиненную роль. Организовавъ поэтому въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи, Питсбургѣ, Бостонѣ и другихъ городахъ «Общество друзей свободы Россіи» и помѣстивъ на выставкѣ и у подъѣзда людей съ русскими именами, Американцы въ дѣйствительности сдѣлали изъ этого общества главный органъ для управленія дѣйствіями еврейскаго народа.

Дѣйствія же эти состояли вотъ въ чемъ:

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошла-

го столѣтія захваченные потокомъ національнаго движенія въ Западной Европѣ Гессъ, Легранъ, раввинъ Калишеръ и другіе еврейскіе мыслители начали говорить своимъ единовѣрцамъ, что и имъ не слѣдуетъ сидѣть сложа руки въ ожиданіи того времени, когда придетъ Мессія и водворитъ ихъ снова въ Палестинѣ, а нужно самимъ приниматься за работу и основывать на старомъ пепелищѣ свои колоніи.

Подъ вліяніемъ этой проповѣди Моисей Монтефіоре устроилъ въ 1869 г. близъ Яффы колонію Песахъ Тикво и открылъ въ ней земледѣльческую школу Микво Израиль. Хотя колонія росла плохо, но освѣдомленное о намѣреніяхъ сіонистовъ турецкое правительство относилось къ ней недоброжелательно.

Это препятствіе съ одной стороны и начавшееся на Западѣ Европы анти-семитическое движеніе съ другой вызвали у Евреевъ стремленіе къ группировкѣ въ общества Ховове Ціонъ (друзей Сіона). Такія общества появились въ Парижѣ, Вѣнѣ, Гейдельбергѣ, Галиціи, Румыніи, Болгаріи,

Варшавѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Харьковѣ.

Въ 1887 г. состоялся первый сіонистскій съѣздъ въ Варшавѣ, на которомъ постановлено было, въ виду противодѣйствія Турціи, прибѣгнуть къ «практической инфильтраціи». Этимъ контрабаднымъ путемъ Евреямъ удалось перевезти въ Палестину около 5.000 своихъ переселенцевъ.

Но въ 1890 г. организовавшійся въ Парижѣ Центральный Комитетъ рѣшилъ направить дальнѣйшую дѣятельность сіонистовъ не на колонизацію Палестины, а на культурное развитіе еврейскаго народа и на созданіе новой системы національнаго воспитанія. Палестина же, въ которой имѣлось уже ядро будущей колонизаціи, должна была до поры до времени служить духовнымъ центромъ еврейскаго народа.

Наконецъ въ серединѣ девяносотыхъ годовъ Герцлемъ предложенъ былъ переходъ къ «политическому сіонизму», т. е. къ объединенію всѣхъ Евреевъ въ офиціальный союзъ, который путемъ международныхъ соглашеній добился бы отъ Турціи уступки Палестины...

Быстро превращаясь такимъ образомъ изъ мелкихъ сектантскихъ кучекъ, группировавшихся вокругъ синагогъ и раввиновъ сначала въ крѣпко связанныя священною для каждаго тайною общества, предводимые способными, дѣятельными вождями, а затѣмъ и въ незримую, вслѣдствіе отсутствія территоріи, державу, Евреи съ такою же быстротою и послѣдовательностью переходятъ въ наступленіе противъ русской государственности.

До мозга костей проникнутые національною идеей, болѣзненно любящіе свое воображаемое государство,—эти не стѣсняющіеся гримомъ актеры надѣваютъ на себя маску презирающихъ «національные предразсудки» соціалъ-демократовъ и цинизмомъ своего краснорѣчія до такой степени увлекаютъ хлибкую русскую молодежь, что въ короткій промежутокъ времени съ 1886 по 1888 г. вся западная и южная Россія, точно скарлатиною, покрывается красными пятнами соціалъ-демократическихъ кружковъ.

Довольный такимъ успѣхомъ, централь-

ный комитетъ отдаетъ послѣ этого приказъ перейти отъ кружковой пропаганды къ широкой агитаціи. Главная цѣль послѣдней, какъ говорилось въ наставленіяхъ: «Объ агитаціи» и «Письмо къ агитаторамъ», должна была состоять въ томъ, чтобы навербовать возможно большія силы, съ которыми въ благопріятный политическій моментъ можно было бы выступить на защиту спеціально еврейскихъ интересовъ.

Согласно этой инструкціи ряженые апостолы соціализма смѣло прокладываютъ путь на фабрики, заводы, въ мастерскія и храмы науки, гдѣ на алтаряхъ русской мысли водворяютъ давно осмѣяннаго Западомъ Карла Маркса.

Съ 1894 г. по распоряженію того же комитета начинается наводненіе Россіи подметною литературою. Издѣваясь въ ней надъ нашимъ патріотизмомъ, нашими обычаями, нашей религіей, разжигая сословную ненависть, внушая вражду къ правительству, неуваженіе къ Верховной Власти и умножая такимъ опустошеніемъ русской души толпу «Ивановъ, не помнящихъ

родства», Евреи начинаютъ организовать изъ послѣднихъ боевыя дружины. Съ 1896 г. они орудуютъ уже стачками и забастовками, во время которыхъ еврейскіе командиры демонстративно водятъ по улицамъ столицъ и большихъ городовъ толпы безчинствующей молодежи и рабочихъ. Въ 1897 г. формируется полевой штабъ еврейской арміи, извѣстный подъ именемъ Бунда. Въ 1900 г. слѣдуетъ распоряженіе — не прекращая, а наоборотъ усиливая дѣйствія по ввозу запрещенной литературы, въ то же время обратить вниманіе на періодическую печать въ цѣляхъ насыщенія широкихъ массъ полезными еврейству идеями.

Постепенно забирая такимъ образомъ въ свои руки вліяніе и власть, Евреи заявляютъ сначала, что на всѣхъ совѣщаніяхъ революціонныхъ комитетовъ русскій языкъ долженъ уступить мѣсто еврейскому жаргону, иными словами выталкиваютъ въ свои передніе даже прислуживавшихъ имъ профессоровъ, а въ 1902 г. на четвертомъ съѣздѣ бундистовъ вырабатываютъ уже

требованія: 1) «Обезпеченной закономъ возможности для еврейскаго населенія употреблять родной языкъ въ сношеніяхъ съ судами, государственными учрежденіями и органами мѣстныхъ и областныхъ управленій». 2) «Національно-культурной автономіи, выражающейся въ изъятіи изъ вѣдѣнія государства и органовъ мѣстнаго и областного самоуправленія функцій, связанныхъ съ вопросами культуры, и передачѣ ихъ націи въ лицѣ особыхъ учрежденій, мѣстныхъ и центральныхъ, избираемыхъ всѣми ея членами на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія». и т. д.

Къ этому времени еще завѣшенное дымкою грядущаго, но уже замѣтно обнаруживавшее свои контуры Царство Израильское имѣло въ своемъ распоряженіи внутри Россіи 5.000 фанатически преданныхъ дѣлу агитаторовъ, мужчинъ и женщинъ; 30.000 боевой дружины, изъ такъ называемыхъ соціалъ-революціонеровъ, и въ помощъ Бунду четырнадцать полевыхъ штабовъ: въ Варшавѣ, Лодзи, Бѣлостокѣ,

Гродн҃ѣ, Вильн҃ѣ, Двинск҃ѣ, Ковн҃ѣ, Витебск҃ѣ, Минск҃ѣ, Гомел҃ѣ, Могилев҃ѣ, Бердичев҃ѣ, Житомір҃ѣ и Риг҃ѣ. Четвертый съѣздъ р҃шилъ распространить эту организацію на Одессу, Н҃ѣжинъ, Кіевъ, Екатеринославъ, Прилуки и другіе города и м҃стечки Европейской Россіи, на Кавказъ и Туркестанъ.

Мало того.

При врожденныхъ способностяхъ къ «практической инфильтраціи», тонкою пылью проникая во всѣ тайники нашей государственной и общественной жизни и всюду неся съ собою микробы разложенія, Евреи въ то же самое время основательно высмотр҃ли всѣ самыя чувствительныя м҃ста, куда можно было бить насъ безъ промаха...

Вотъ какая чудовищная «передовая база» устраивалась въ теченіе многихъ л҃тъ внутри Россіи!

XX.

Превосходно зная всю подноготную нашего расположенія на театрѣ борьбы за жизнь, степень готовности, характеръ нашихъ государственныхъ людей и т. д., наши противники Англо-Саксы не могли, конечно, ошибиться и въ расчетѣ силъ, который сдѣланъ былъ ими слѣдующимъ образомъ:

Для открытаго удара на нашъ лѣвый флангъ, или, по выраженію Американцевъ, для разрушенія нашей «Восточной Имперіи», предназначалась Японія, постепенно пріучавшаяся смотрѣть на нашъ быстро выроставшій торговый флотъ, Корею и устраивавшуюся нашимъ трудомъ и на наши деньги Манчжурію, какъ на свою собственность.

Въ качествѣ политическаго резерва, долженствовавшаго регулировать ходъ событій, подготовлялись:

і) Еврейскій народъ, которому, въ виду его нынѣшней многочисленности и невозможности удовлетвориться одною Палестиною, обѣщана была для образованія самостоятельнаго Царства Израильскаго территорія между Каспійскимъ, Чернымъ, Средиземнымъ, Краснымъ морями и Персидскимъ заливомъ.

и 2) Сорганизовавшіяся подъ руководствомъ Евреевъ партіи революціонеровъ разныхъ наименованій, обнадеженныя тѣмъ, что съ разгромомъ Россіи имъ предоставлена будетъ возможность создать изъ нея цѣлый рядъ новыхъ государствъ по принципамъ французской революціи и Карлу Марксу.

Роль же самихъ Англо-Саксовъ и необычайное искусство ихъ, какъ закулисныхъ дѣятелей, выплывутъ наружу, если мы обратимъ вниманіе на слѣдующіе факты.

Въ теченіе всей войны 1904—05 гг. державшійся въ полной боевой готовности внутри Россіи политическій резервъ не только ни разу не былъ пущенъ въ дѣло, но даже случайно вырвавшіяся изъ рукъ 9 января 1905 г. части его были тотчасъ же

отведены на мѣсто—ибо успѣшно дѣйствовавшая противъ нашего лѣваго фланга Японія могла обойтись безъ подкрѣпленій. Но вотъ, послѣ того какъ палъ Портъ-Артуръ, арміи наши были вытѣснены изъ южной Манчжуріи и флотъ погибъ подъ Цусимою—по сигнальной ракетѣ, выпущенной Лодзью 10-го іюня—14-го іюня вспыхиваетъ бунтъ въ Севастополѣ, 15-го въ Одессѣ и Либавѣ; 17-го въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ... Тѣ изъ читателей, кто хоть немножко знакомъ съ дѣйствіями войскъ на театрѣ войны, сейчасъ же поймутъ истинный смыслъ и этихъ событій на театрѣ борьбы за жизнь, а именно—вслѣдъ за пораженіемъ нашихъ морскихъ силъ въ Желтомъ морѣ еврейская кавалерія брошена была на Черное и Балтійское моря для преслѣдованія русскаго флота на самыхъ базахъ его.

Спрашивается однако, въ чьихъ же интересахъ были,—благодаря Богу неудавшіеся,—взаимный разстрѣлъ и потопленіе Черноморской эскадры, разгромъ доковъ, мастерскихъ, словомъ полное высаживаніе Россіи

на сушу? Разумѣется, въ интересахъ вполнѣ зримыхъ и притомъ морскихъ державъ.

Затѣмъ, съ приближеніемъ срока ратификаціи Портсмутскаго договора, опасаясь, что одинаково недовольныя послѣднимъ и Россія, и Японія не пожелаютъ вывести свои войска изъ Манчжуріи, что повлекло бы за собою деморализацію мѣстныхъ китайскихъ властей, новыя осложненія, а можетъ быть и новую, болѣе удачную для Россіи войну—творцы событій закрываютъ сундукъ и прекращаютъ истощившейся въ денежномъ отношеніи Японіи кредитъ. Въ то же время державшіеся на англо-саксонской цѣпи лунатики отпускаются на свободу, и на всемъ пространствѣ Россіи подъ истерическія взвизгиванія еврейской печати начинается бѣшеная пляска революціонныхъ дервишей вокругъ костровъ изъ помѣщичьихъ усадебъ.

Въ результатѣ обѣ стороны спѣшно увозятъ свои арміи изъ Манчжуріи [1]...

[1] Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ особой проницательности, рекомендую провѣрить эту «догадку» у Фредерика Макормика въ его «The Tragedy of Russia in Pacific Asia» томъ II, стр. 387.

XXI.

Совокупными усиліями этой тайной коалиціи, едва пробившаяся къ теплому и открытому морю, Россія была немедленно оттѣснена назадъ. Третій по величинѣ флотъ ея уничтоженъ. Гордость нашей цивилизаціи—Великій Сибирскій путь, продолженный посредствомъ пароходства до устья Янтсекіанга и обѣщавшій сдѣлаться одною изъ доходнѣйшихъ государственныхъ статей, обломленъ и изъ междуокеанскаго тракта превращенъ въ тупикъ, ибо съ захватомъ Японцами половины Сахалина, Кореи и Южной Манчжуріи мы не можемъ уже выйти изъ нашего дома иначе, какъ по японскимъ коридорамъ и подъ жерлами японскихъ пушекъ.

Но такъ какъ для неудержимо стремящихся къ міровому господству Англо-Саксовъ борьба за жизнь представляетъ собою не что нибудь особенное, къ чему нужно

готовиться годами, а правильный ежедневный трудъ, то непосредственно за войною 1904—05 гг. слѣдуетъ цѣлый рядъ новыхъ событій впереди нашего фронта, т. е. въ странахъ, занимающихъ полосу Южной Азіи между 40 и 30 градусами сѣверной широты.

Прежде всего передъ серединою фронта Англичане съ своей Индійской базы гигантскимъ скачкомъ устремляются къ сѣверу, включивъ по конвенціи 18—31 августа 1907 г. въ сферу своего вліянія Тибетъ, Авганистанъ и замыкающую выходъ къ Индійскому океану южную половину Персіи.

Затѣмъ прибывшій въ Тегеранъ съ своею боевою дружиною Ефремъ, совмѣстно съ получившими образованіе въ американскихъ университетахъ молодыми Персами, свергаетъ съ престола шаха Мохаммеда-Али и расчищаетъ такимъ образомъ путь цѣлому отряду американскихъ администраторовъ, и посейчасъ, кромѣ Моргана Шустера, преспокойно работающихъ въ Сѣверной Персіи столько же противъ этой страны, сколько и противъ Россіи.

Одновременно съ этимъ въ сплошь населенныхъ Евреями Салоникахъ, въ масонскихъ ложахъ «Македонія» и «Ризорта», образуется страшный застѣнокъ, извѣстный подъ именемъ «Салоникскаго комитета», или «Комитета Единенія и Прогресса», гдѣ шайка еврейскихъ націоналистовъ въ главѣ съ Эмануэлемъ Карассо и Джавидомъ-беемъ рѣшаетъ участь когда-то приводившей въ трепетъ всю Европу Турціи и главы всего мусульманскаго міра—султана Абдулъ-Гамида.

Наконецъ наступаетъ очередь и Китая, который послѣ своихъ разнообразныхъ опытовъ съ Англичанами и Американцами смѣло могъ бы сказать теперь — «плохо имѣть Англо-Сакса врагомъ, но не дай Богъ имѣть его другомъ!»

Какъ извѣстно, во время боксерскаго возстанія 1900 г. въ числѣ наступавшихъ къ Пекину войскъ находился и маленькій американскій отрядъ генерала Чаффи, за что Китай долженъ былъ заплатить С.-А. Соединеннымъ Штатамъ двадцать восемь милліоновъ рублей контрибуціи. Но въ

слѣдующемъ году Американцы предложили китайскому правительству, взамѣнъ уплаты этихъ денегъ, устроить на нихъ въ Гонанѣ отдѣленіе Іэйлскаго университета, основать въ разныхъ мѣстахъ Китая американскія школы и сверхъ того отправлять въ американскіе университеты наиболѣе способныхъ молодыхъ Китайцевъ — въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ по сто человѣкъ, а далѣе по пятидесяти [1].

Очарованный такимъ великодушіемъ богдыханъ снарядилъ въ Вашингтонъ особое посольство для выраженія благодарности американскому народу за безкорыстную дружбу и покровительство. Но благодарить было не за что, ибо посредствомъ насыщенныхъ за китайскій же счетъ революціоннымъ ядомъ воспитанниковъ своихъ школъ Англо-Саксы однимъ дуновеніемъ своей политики, точно карточный домикъ, разрушили старѣйшую въ мірѣ монархію.

[1] Приливъ въ американскіе университеты азіатской молодежи начался съ 1896 г. Первыми приглашены были Японцы, за ними Персы, Турки, Индійцы, Сіамцы и Китайцы.

Послѣ чего Китай, впредь до окончательнаго превращенія его въ «Индію» или «Египетъ», поступилъ въ распоряженіе англо-саксонскихъ финансистовъ во главѣ съ геніальнымъ дѣльцомъ Пирпонтомъ Морганомъ. Первый скромный шагъ на этомъ пути намѣченъ уже проектомъ Сунъянцена на передачу Англо-Саксамъ постройки 100.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, т. е. всей нервной системы государства.

И такъ, окидывая взглядомъ наше нынѣшнее положеніе на театрѣ борьбы за жизнь, мы видимъ слѣдующее:

Вытѣснивъ насъ сначала съ американскаго берега и сѣверной части Тихаго океана, Англо-Саксы перенесли затѣмъ свои наступательныя дѣйствія противъ насъ на азіатскій материкъ. При чемъ войною 1904—05 г.г. они отбросили нашъ лѣрый флангъ отъ Желтаго моря и забарикадировали его Японіею отъ Сахалина до устья Ляохэ; а съ цѣлью возведенія подобной же барикады вдоль всего нашего фронта,—за четыре послѣднихъ года раз-

рушили три южно-азіатскихъ монархіи и распространили сферу своего вліянія на весь югъ Азіи до 40 градуса с. ш.

Новый наступательный актъ ихъ начнется съ открытіемъ Панамскаго канала и одновременнымъ перенесеніемъ столицы Индіи изъ Калькутты въ лежащій на самомъ сѣверѣ Индійскаго полуострова Дэли. Къ этому времени систематически разжигаемая вражда къ намъ южно-азіатскихъ народовъ приметъ еще болѣе острую форму, кромѣ того будутъ закончены и новыя «передовыя базы» внутри Россіи. Но успѣхъ наступательныхъ дѣйствій на нашемъ фронтѣ будетъ много зависѣть отъ хода событій, тщательно подготовленныхъ съ 1905 г. на правомъ флангѣ нашего государства, т. е. въ Европѣ.

XXII.

Для того, чтобы добраться до главнаго узла нынѣшнихъ крайне сложныхъ и крайне запутанныхъ европейскихъ событій, начнемъ съ выясненія слѣдующаго обстоятельства:

При совершенно незнакомыхъ намъ пріемахъ борьбы за жизнь и непохожей на наше «иду на вы» этикѣ, Англо-Саксы пользуются между прочимъ, какъ орудіемъ ихъ политики, такими принципами, скрытый смыслъ которыхъ обнаруживается лишь впослѣдствіи. Такъ напримѣръ, кромѣ доктрины Монро, расшифрованной уже, какъ «Америка для С.-А. Соединенныхъ Штатовъ», или «Hands off!», почувствованнаго нами послѣ Берлинскаго конгресса,— покойный Джонъ Гей изобрѣлъ «Integrity of China», т. е. устраненіе всѣхъ претендентовъ на обладаніе какою либо частью Китая, въ виду того, что эта страна должна цѣликомъ перейти подъ власть Англо-Саксовъ, и т. д.

Къ числу такихъ политическихъ двусмысленностей принадлежитъ повидимому и знаменитое «The ballance of power in Europe», болѣе ста лѣтъ служившее основою всѣхъ союзовъ и соглашеній Европейскихъ державъ. По крайней мѣрѣ вотъ какъ смотрятъ на него сами Англичане:

«До тѣхъ поръ, пишетъ довольно извѣстный англійскій публицистъ подполковникъ Поллокъ, пока Европейскія державы раздѣлены на группы и мы въ состояніи будемъ противопоставлять ихъ одну другой—Британская Имперія можетъ не опасаться никакихъ враговъ, кромѣ Палаты Общинъ. Совсѣмъ не изъ любви къ прекраснымъ глазамъ Франціи рѣшаемся мы поддерживать ее противъ Германіи, какъ не изъ рыцарскихъ побужденій становились мы на защиту угнетенныхъ націй сто лѣтъ назадъ.

«Въ международной политикѣ нѣтъ мѣста чувствамъ.

«Мы сражались съ Наполеономъ не на жизнь, а на смерть по тѣмъ же причи-

намъ, по какимъ въ ближайшемъ будущемъ будемъ сражаться съ Германіей или позднѣе съ другою Державою.

«Короче говоря, наша внѣшняя политика въ высокой степени эгоистична и не потому, чтобы мы желали этого, а потому, что у насъ нѣтъ выбора. Если бы мы не защищали Лондона на поляхъ континента, — мы напрасно старались бы сдѣлать это на Сорейскихъ холмахъ, вѣнчающихъ собою равнины Восточной Англіи. Наше назначеніе и состоитъ въ томъ, чтобы быть — или вершителемъ европейскихъ дѣлъ, или ничѣмъ!»

Такимъ образомъ уже изъ этихъ словъ мы видимъ, что съ точки зрѣнія Англичанъ группирующіяся по принципу «равновѣсія силъ» континентальныя державы представляютъ собою своего рода плюсъ и минусъ, взаимнопарализующія другъ друга и этимъ обезпечивающія Англіи свободу дѣйствій на всемъ земномъ шарѣ.

А теперь посмотримъ, что скажетъ намъ по этому поводу исторія?

Извѣстно, что свою блестящую карьеру завоевателей и вершителей судебъ человѣчества Англичане начали съ разгрома Голландіи. Живя у большой дороги и долгое время съ завистью слѣдя за тѣмъ, какъ по каналу, гордо надувъ свою бѣлую грудь, цѣлыми караванами проходили нагруженные драгоцѣннѣйшими произведеніями тропиковъ голландскіе «купцы»,— бѣдный, но сильный мускулами и волею англійскій народъ не выдержалъ испытанія. 10 іюня 1652 г. Государственный Совѣтъ Англіи приказалъ адмиралу Блэку захватить возвращавшійся изъ Индіи голландскій флотъ.

Въ эту первую войну, начатую безъ всякаго предупрежденія противника, Англичане изловили 1700 плохо застрахованныхъ голландскимъ правительствомъ кораблей, общею цѣнностью въ шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и этимъ сильно поправили свой бюджетъ, едва достигавшій одного милліона фун. ст.

Во вторую войну они большею частью своего флота заблокировали Голландію, а

меньшую отправили для хозяйничанья въ голландскихъ колоніяхъ. Съ третьею же войною Голландія изъ перваго поставщика на всю Европу колоніальныхъ товаровъ начала быстро превращаться въ едва сводящаго концы съ концами табачнаго и кофейнаго лавочника.

Послѣ этого англичане перенесли свои наступательныя дѣйствія противъ Испаніи, и спустя недолгое время эта облѣнившаяся подъ ласками никогда не заходившаго въ ея владѣніяхъ солнца держава узнала что̀ такое сумерки.

Наконецъ наступила очередь Франціи.

XXIII.

Въ 1784 г. во главѣ правительства уже разбогатѣвшей, цивилизовавшейся и достигшей могущества Англіи поставленъ былъ любимый сынъ лорда Чатама—Уильямъ Питтъ. Этотъ стройный и худенькій 25-лѣтній юноша съ дѣвичьею улыбкою и розо-

вымъ цвѣтомъ лица явился воплощеніемъ генія англо-саксонской расы. Почтительный къ верховной власти и конституціоналистъ до мозга костей, онъ съ такимъ же тактомъ отстаивалъ свои мнѣнія передъ королемъ, съ какимъ внушалъ свою волю народнымъ представителямъ. Никогда не выѣзжавшій изъ Лондона, благодаря неусыпному труду, отъ котораго не могъ оторваться даже для женитьбы, онъ понималъ Англію и Европу какъ ни одинъ изъ современныхъ ему государственныхъ дѣятелей. Считая себя вполнѣ счастливымъ тѣмъ, что онъ сынъ Англіи, онъ не признавалъ для себя никакихъ наградъ и все свое честолюбіе видѣлъ въ величіи своей родины.

Первымъ шагомъ его по вступленіи во власть было — освободить кабинетъ отъ вредныхъ на рабочемъ мѣстѣ говоруновъ и людей, стѣснявшихъ его громоздкими титулами. Вмѣсто нихъ онъ подобралъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ знатоковъ торговаго и морского дѣла и приступилъ съ ними къ разработкѣ плана борьбы съ

стоявшею на англійской дорогѣ державою, выразившагося въ слѣдующей формѣ:

«Отрѣзать Францію отъ всего коммерческаго міра такъ, чтобы она представляла собою какъ бы одинъ портовый городъ, блокированный съ моря и съ суши».

Для чего — усилить англійскій флотъ и не останавливаться передъ затратами какъ на поддержаніе внутренней смуты во Франціи, ослаблявшей внѣшнюю обороноспособность этой страны, такъ равно на субсидіи и займы для образованія коалицій, ибо каждая вступающая въ войну континентальная держава, работая на поляхъ сраженій въ пользу Англіи, въ то же время переставала быть соперницею Англичанъ на аренѣ промышленности и торговли.

Иными словами, готовясь къ войнѣ съ Франціей, великій вождь англійскаго народа, Питтъ заранѣе намѣтилъ всю остальную материковую Европу, какъ базу, на которой посредствомъ торговли онъ могъ добывать золото, а посредствомъ золота формировать коалиціи для методическихъ ударовъ въ правый флангъ и тылъ своего

противника и отвлеченія его такимъ образомъ отъ фронтальнаго нападенія на Англію.

Смѣлости этого замысла вполнѣ соотвѣтствовало и искусство выполненія его.

XXIV.

Постепенно разгорѣвавшаяся какъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, такъ и подбрасывавшимися подъ нее услужливыми Англичанами вязанками дровъ, королевская Франція представляла собою въ то время огромный, все болѣе и болѣе переполнявшійся парами недовольства котелъ. Встревоженный такимъ состояніемъ своей монархіи, Людовикъ XVI хотѣлъ поставить ее на рельсы послѣдовательныхъ преобразованій и въ январѣ 1789 г. издалъ «lettres patentes» о созывѣ для выясненія народныхъ нуждъ Генеральныхъ Штатовъ. Но этого предохранительнаго клапана было уже недостаточно. Съѣхавшись въ Версаль въ маѣ того же года, Генеральные Штаты,

спустя всего лишь мѣсяцъ, объявили себя Учредительнымъ Собраніемъ, явившимся для выработки такихъ основныхъ законовъ, въ силу которыхъ могли бы принимать участіе въ управленіи государствомъ лица, избранныя народомъ. Затѣмъ въ ночь съ 12 на 13 іюля послѣдовалъ первый оглушительный взрывъ, и сквозь широкую бастильскую расщелину хлынулъ потокъ революціи...

Сильный напоръ ея на всѣ внутреннія перегородки вѣками возводившагося Капетингами государственнаго зданія Франціи поразилъ паническимъ страхомъ высшіе классы французскаго общества. Слѣдуя примѣру брата короля, прежде всего устремилось за границу дворянство; за дворянами — богатое купечество; за купцами—духовенство. Наконецъ, не вынеся шума печати, рѣзкихъ выступленій клубовъ и уличныхъ манифестацій, 20 іюня 1791 г. выѣхалъ изъ Парижа къ ожидавшей его въ Монмеди маленькой арміи и самъ король.

Этотъ отъѣздъ главы государства страшно повредилъ его престижу и усилилъ рес-

публиканскую партію, выступившую съ требованіемъ объ уничтоженіи королевской власти.

Хорошо понимая, какими вредными послѣдствіями могъ угрожать государству столь рѣзкій скачокъ, уже заканчивавшее свои занятія по разработкѣ конституціи и формированію новаго правительства Учредительное Собраніе обратилось къ задержанному въ Варенѣ и возвращенному въ столицу Людовику XVI съ просьбою занять оставленный имъ престолъ и дать клятву въ вѣрномъ соблюденіи заключеннаго имъ съ народомъ договора.

Этимъ актомъ оно завершило свою дѣятельность и уступило мѣсто новому Собранію народныхъ представителей, получившему названіе Законодательнаго, и долженствовавшему, согласно конституціи 1791 г., работать надъ преобразованіемъ государственнаго и общественнаго строя совмѣстно съ королемъ. Для того же, чтобы дать представленіе о размѣрахъ предстоявшаго новымъ законодателямъ труда, достаточно привести такой примѣръ. По-

степенно наращивавшіе свои владѣнія Капетинги составили Францію изъ тридцати двухъ различныхъ по величинѣ провинцій. Это неравенство рѣзало глаза Учредительному Собранію и оно, насилуя исторію и географію, рѣшило разбить страну на восемьдесятъ три одинаковыхъ по своей площади клѣтки, названныя департаментами и подраздѣлявшіяся въ свою очередь на уѣзды, волости и общества. Худо ли, хорошо ли было это новое дѣленіе, во всякомъ случаѣ сообразно съ нимъ нужно было реорганизовать администрацію, мѣстные суды и полицію. Затѣмъ, съ устраненіемъ прежней системы налоговъ, внутреннихъ таможенъ, дорожныхъ пошлинъ и т. под. предстояло передѣлать заново систему государственныхъ доходовъ и т. д. и т. д.

Подобная работа требовала для своего выполненія, кромѣ добросовѣстности и любви къ дѣлу, еще и большого опыта. Между тѣмъ подавляющее большинство новыхъ депутатовъ составилось изъ пылкой молодежи, воспитанной въ школахъ

на исторіи Греціи и Рима и желавшей поэтому лишь одного — сдѣлать изъ Франціи Аѳинскую республику.

Обладая сильно развитымъ на митингахъ краснорѣчіемъ, новые законодатели, едва переступивъ порогъ парламента, сейчасъ же повели энергичную атаку и на призывавшую ихъ къ мало знакомому и тяжелому труду конституцію, и на короля. Послѣдній же, не имѣя послѣ смери Мирабо ни одного сколько-нибудь надежнаго совѣтника, рѣшилъ искать поддержки во «внѣшней Франціи», т. е. у вступившихъ въ тѣсныя сношенія съ Англіею эмигрантовъ.

Во время этой съ каждымъ днемъ обострявшейся борьбы законодательнаго собранія съ королемъ сама Франція находилась въ весьма опасномъ положеніи. Рухнувшій подъ ударами конституціи королевскій строй лежалъ въ развалинахъ. Съ выѣздомъ за границу богатыхъ классовъ промышленность и торговля упали, и массы рабочаго люда выброшены были на улицу. Лишившіеся вслѣдствіе ухода со службы

дворянъ около половины своего командного состава, армія и флотъ были дезорганизованы.

XXV.

При такихъ условіяхъ, чтобы окончательно столкнуть Францію въ бездну анархіи и сдѣлать ее еще менѣе способною къ оборонѣ, Питтъ лѣтомъ 1792 г. двинулъ противъ нее Австрію и Пруссію, представлявшія собою авангардъ уже подготовленной имъ огромной коаліціи.

При первой же встрѣчѣ съ непріятелемъ на границахъ Бельгіи Французы убили одного изъ своихъ генераловъ Диллона и бросились въ-разсыпную. Хотя единственною причиною столь печальнаго событія было страшное ослабленіе дисциплины во французскихъ войскахъ, тѣмъ не менѣе, умышленно искажая истину, якобинскій клубъ обвинилъ во всемъ противниковъ революціи, распространившихъ будто бы панику криками «спасайся кто

можетъ», и газета Марата начала требовать уже «для обезпеченія мира и благополучія Франціи отъ 500 до 600 головъ».

Вслѣдъ за этимъ, въ отвѣтъ на дерзкій манифестъ главнокомандующаго прусскою арміей герцога Брунсвикскаго, требовавшаго, подъ угрозою военной экзекуціи Парижу, немедленнаго возстановленія Людовика XVI въ правахъ самодержавія,—министръ Верніо бросилъ съ трибуны фразу: «Прусаки наступаютъ во имя короля!».—Фраза эта точно молнія облетѣла столицу, и огромная толпа народа, предводимая Дантономъ, Сантэромъ, Лежандромъ и Вестерманомъ, направилась къ Тюльерійскому дворцу и вступила въ бой съ заграждавшею ей дорогу стражею. Спасшійся черезъ садъ Людовикъ XVI отдалъ себя подъ покровительство законодательнаго собранія. Послѣднее постановило арестовать короля и помѣстить въ замокъ Тампль, а для рѣшенія дальнѣйшей участи его и выработки новой формы правленія государствомъ созвать новое собраніе народныхъ представителей.

Въ наступившій такимъ образомъ періодъ междуцарствія, составившійся изъ самыхъ ярыхъ революціонеровъ муниципалитетъ г. Парижа, подъ именемъ Парижской коммуны, захватилъ въ свои руки власть надъ столицею и подчинилъ себѣ кабинетъ министровъ. Чтобы поскорѣе расправиться съ своими противниками, члены муниципалитета начали врываться въ частныя жилища и, сыпля направо и налѣво обвиненія въ государственной измѣнѣ, наполняли тюрьмы лицами, объявлявшимися ими «подозрительными». Затѣмъ 2-го сентября 1792 года, собравъ по тревогѣ на Марсово поле новыя массы народа для постройки укрѣпленій вокругъ Парижа, они бросились во главѣ нанятыхъ ими шаекъ убійцъ въ мѣста заключеній и учинили страшную двухдневную бойню, во время которой въ одной только тюрьмѣ Кармъ удавлено было 160 священниковъ.

Но эта была лишь прелюдія массовыхъ убійствъ, которыми увѣковѣчила свою память самая книжная и самая жестокая изъ всѣхъ революцій.

21 сентября 1792 г. нѣсколькими орудійными выстрѣлами Парижъ оповѣщенъ былъ одновременно и о побѣдѣ, одержанной Дюмурье надъ Пруссаками при Вальми и объ открытіи Конвента. Это собраніе, состоявшее изъ 760 народныхъ представителей и заимствовавшее свой титулъ у Американцевъ, въ первомъ же засѣданіи провозгласило уничтоженіе во Франціи монархическаго образа правленія. При чемъ Монтаньяры, составлявшіе лѣвое меньшинство Конвента, начали настойчиво доказывать, что для окончательнаго утвержденія новаго порядка въ странѣ необходимо убить королевскую идею въ лицѣ продолжавшаго находиться въ заключеніи въ замкѣ Тампль Людовика XVI.

Смѣлые на словахъ, но робкіе на дѣлѣ Жирондисты, составлявшіе правое большинство Конвента, побоялись быть заподозрѣнными въ несочувствіи республикѣ и согласились на преданіе суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ «гражданина Людовика Капета».

21 января 1793 г. несчастный король возведенъ былъ на эшафотъ, а вслѣдъ за его казнью, хорошо учитывавшій послѣдствія этого страшнаго событія для Франціи Питтъ двинулъ противъ нее свою первую коалицію, въ составъ которой вошли Англія, Голландія, Пруссія, Австрія, Сардинія, Неаполь и Испанія.

Этимъ обложеніемъ началась двадцатитрехлѣтняя война между все время наступавшею Англіею и не выходившею изъ активной обороны Франціей.

XXVI.

Уже въ царствованіе Людовика XVI поглощенная внутренними смутами великая представительница латинской расы постепенно закрывала глаза на внѣшній міръ. Съ началомъ же революціи политическій кругозоръ французскаго правительства окончательно вошелъ въ предѣлы соб-

ственной страны, и, всѣ помыслы новыхъ правителей сконцентрировались на упроченіи республики и проведеніи соціальныхъ реформъ. Шире и серьезнѣе этого домашняго дѣла для нихъ не было ничего, а поэтому и замыслы Англіи истолкованы были ими по-своему. На подступавшія къ границамъ Франціи коалиціонныя войска они смотрѣли какъ на своего рода резервъ, двинутый эмигрантами и опасавшимися за свои троны королями для поддержки многочисленныхъ враговъ республики, находившихся внутри государства.

Отождествляя такимъ образомъ внутреннюю и внѣшнюю опасность, Конвентъ рѣшилъ не останавливаться ни передъ какими мѣрами для того, чтобы сломить сопротивленіе всѣхъ противниковъ новаго режима и отбросить вмѣшавшихся не въ свое дѣло иностранцевъ.

Выдвинутое на первый планъ покореніе Франціи началось весьма энергично:

Одновременно съ наступленіями внѣшняго врага вспыхнуло возстаніе въ Вандеѣ. Послѣ первыхъ же неудачъ, постигшихъ

посланныя на усмиреніе этой провинціи войска, по настоянію Монтаньяровъ 10 марта 1793 г. учрежденъ былъ чрезвычайный уголовный трибуналъ для безапелляціоннаго суда надъ измѣнниками, заговорщиками и противниками революціи. Для розыска же виновныхъ образованъ былъ комитетъ общественной безопасности. Затѣмъ по полученіи извѣстій о новыхъ неудачахъ французскаго оружія, повлекшихъ за собою обнаженіе сѣверной границы, конвентъ 6 апрѣля вручилъ исполнительную власть комитету общественнаго спасенія.

Устроивъ эти позиціи, занявъ ихъ и добившись отмѣны закона о неприкосновенности депутатовъ, Мантаньяры рѣшили теперь повести атаку на самый конвентъ.

Вступивъ съ этою цѣлью въ соглашеніе съ Парижскою коммуною, они организовали нападеніе на Тюльерійскій дворецъ. 31 мая, въ то время какъ внутри зданія заранѣе увѣренный въ побѣдѣ Робеспьеръ громилъ своихъ враговъ, обвиняя ихъ въ измѣнѣ революціи,—снаружи собралось 80.000 во-

оруженныхъ людей; противъ выходовъ размѣщено было 163 орудія, разведены костры, поставлены рѣшетки для накаливанія ядеръ, словомъ выдвинуты были всѣ аргументы, чтобы продиктовать законъ народному собранію. Продержавшись въ осадѣ три дня, конвентъ 2 іюня вынужденъ былъ выдать 12 депутатовъ, осмѣлившихся ревизовать дѣла Парижской коммуны и 21 Жирондиста изъ числа самыхъ даровитыхъ представителей этой партіи.

Послѣ 2 іюня вся законодательная и исполнительная власть оказалась въ рукахъ крайнихъ революціонеровъ, и Монтаньяры конвента и Парижской коммуны приступили къ соціальнымъ реформамъ. Взамѣнъ подвергшейся совершенному запрещенію католической религіи введено было поклоненіе «богинѣ разума»; церкви были закрыты; обычаи, одежда и даже исчисленіе времени перекраивались заново по принципамъ демократическаго равенства.

Вырабатывавшіяся законодателями реформы приводились въ исполненіе обле-

ченнымъ диктаторскими полномочіями комитетомъ общественнаго спасенія, которому подчинены были—вѣдавшій сыскомъ комитетъ общественной безопасности, 144 разбросанныхъ по всей странѣ уголовныхъ трибунала и 6.000 армія, постоянно переходившая изъ одного города въ другой въ сопровожденіи гильотины.

Но такъ какъ главнымъ двигателемъ революціи была не государственная мудрость, а накопившаяся вѣками злоба и ненависть къ пользовавшимся привилегіями классамъ, то, утоляя чувство мести рубкою головъ, массовыми разстрѣлами, утопленіями и безпощаднымъ разгромомъ всего быстро уравнивавшагося къ низу французскаго общества,—сами побѣдители должны были въ концѣ концовъ вступить во взаимную потасовку.

Все болѣе и болѣе жестокія мѣропріятія, требовавшіяся фанатикомъ Эберомъ и его послѣдователями, начали пугать самыхъ пылкихъ защитниковъ революціи и поселять въ нихъ отвращеніе къ республикѣ. Во главѣ отколовшейся такимъ об-

разомъ партіи умѣренныхъ Монтаньяровъ сталъ Дантонъ. Но надъ обѣими партіями сейчасъ же поднялась фигура холоднаго и расчетливаго честолюбца Робеспьера. Соединясь сначала съ Дантономъ, онъ отправилъ на плаху Эбера, а затѣмъ 5 апрѣля 1794 г. отрубилъ голову и Дантону.

Не чувствуя теперь вокругъ себя ни одного сколько нибудь сильнаго человѣка, крѣпко державшій въ своихъ рукахъ комитетъ общественнаго спасенія и комитетъ общественной безопасности, Робеспьеръ сдѣлался неограниченнымъ диктаторомъ и настоящимъ олицетвореніемъ революціоннаго правительства. Для того, чтобы окончательно растоптать уже распростертую въ страхѣ Францію, онъ приказалъ упростить до крайности судопроизводство уголовныхъ трибуналовъ. Толпы неизвѣстно кѣмъ обвиненныхъ гражданъ приводились въ судъ отъ 11 до 12 час. дня для выслушанія обвинительнаго акта; въ 2 часа постановлялся приговоръ, а въ 4 уже стучали топоры.

Этотъ кровавый режимъ не могъ, конечно,

тянуться долгое время. Опасаясь за собственную жизнь, самые близкіе друзья Робеспьера сдѣлались его тайными врагами, и объединившимися силами конвента страшный тиранъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все организованное революціонерами правительство 9 и 10 термидора (27—28 іюля 1794 г.) были свергнуты.

Убѣдясь такимъ образомъ на опытѣ, какую опасность для общества представляетъ собою не имѣвшее противовѣса собраніе народныхъ представителей, — конвентъ приступилъ къ разработкѣ новой, болѣе усовершенствованной формы республиканскаго правительства. Осенью 1795 г. таковое сформировано было подъ именемъ Директоріи, состоявшей изъ пяти директоровъ, совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ (250 ч.).

Но искусство управленія государствомъ зависитъ не отъ вида и названія правительственныхъ органовъ, а отъ способности приставленныхъ къ дѣлу людей. Франція же къ тому времени сильно оскудѣла талантами. За четырнадцать мѣсяцевъ вла-

дычества революціонеровъ по постановленію одного только парижскаго трибунала снесено было 2.625 не сплошь заурядныхъ головъ. Поэтому въ составъ Директоріи вошли люди уже второго сорта и по уму, и по характеру, и по честности.

Чувствуя себя не въ силахъ справиться съ внутреннимъ броженіемъ и подготовлявшеюся контръ-революціей, Директорія на второй же годъ существованія прибѣгла къ помощи войскъ и, чтобы не свалиться окончательно, создала систему маленькихъ государственныхъ переворотовъ. При такихъ условіяхъ сильно утомленное волненіями безъ конца, революціями безъ причины и перемѣнами безъ результата, французское общество само начало присматриваться къ арміи, уже покрывшей себя славою и представлявшей наглядный примѣръ порядка, дисциплины и добросовѣстнаго выполненія долга.

XXVII.

Въ 1789 г. королевская армія состояла изъ 172.586 офицеровъ и солдатъ. Слабая численно и дезорганизованная революціей, она пополнена была сначала батальонами плохо обученной національной гвардіи и буйными волонтерами. Первыя же столкновенія этихъ разношерстныхъ войскъ съ регулярными арміями Пруссіи и Австріи ясно указали Франціи на то, что она немедленно и самымъ серьезнымъ образомъ должна взяться за созданіе своихъ вооруженныхъ силъ. Огромный по своимъ размѣрамъ и необычайно тяжелый по обстановкѣ трудъ этотъ прекрасно выполненъ былъ членомъ конвента и комитета общественнаго спасенія Лазаремъ Карно. Призванные по его настоянію въ февралѣ 1793 г. 300.000 новобранцевъ, а въ августѣ 600.000 сведены были въ полки, бригады и дивизіи, во главѣ которыхъ

поставлены были уже зарекомендовавшіе себя въ бояхъ 22—25-лѣтніе полковники и генералы. Жадная же къ подвигамъ молодежь вдохнула въ свою очередь въ войска весь свой энтузіазмъ, все юношеское пренебреженіе къ лишеніямъ и опасности и въ скоромъ времени повела армію отъ пораженій къ побѣдамъ. Вслѣдъ за усмиреніемъ Вандеи, въ 1795 г. должны были отказаться отъ продолженія войны Голландія, Пруссія и Испанія, а въ 1796—97 г.г. блестящими дѣйствіями въ Сѣверной Италіи уже отмѣченный судьбою 27-лѣтній Бонапартъ принуждаетъ къ миру Австрію, Сардинію и Піемонтъ.

Такимъ образомъ всѣ облагавшія Францію съ суши континентальныя державы были отбиты и изъ образованной Питтомъ первой коалиціи осталась одна только неуязвимая на своихъ островахъ и блокировавшая своимъ сильнымъ флотомъ Францію съ моря Англія.

Для того, чтобы прорвать и эту блокаду и нанести своему противнику возможный по обстановкѣ ударъ, изумительно

вѣрно опредѣлившій какъ современное ему, такъ и будущее значеніе для міровой торговли дельты Нила и Суэцкаго перешейка, Бонапартъ представилъ Директоріи планъ похода въ Египетъ. Не столько изъ сочувствія къ геніальной мысли своего полководца, сколько изъ желанія удалить изъ Парижа становившагося съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе популярнымъ генерала, Директорія одобрила планъ, и 18 мая 1798 г. Бонапартъ во главѣ 30.000 арміи отплылъ изъ Тулона въ Александрію, а 21 іюля, послѣ боя у пирамидъ, овладѣлъ страною фараоновъ.

Но, зорко слѣдившій за дѣйствіями своего точно изъ земли выросшаго могущественнаго врага, Питтъ отправилъ къ побережьямъ Египта адмирала Нельсона и, уничтоживъ у Абукира французскую эскадру Брюиса, отрѣзалъ Бонапарту сообщеніе съ Франціей, а въ то же время противъ самой Франціи двинулъ вторую коалицію изъ присоединившихся къ Англіи Россіи и Австріи (1798—99 г.г).

Впервые зайдя такъ далеко въ Запад-

ную Европу, русскіе полки развернулись вдоль всего праваго фланга Франціи отъ Зюдерзее на Сѣверномъ морѣ до Генуэзскаго залива на Средиземномъ морѣ. При чемъ на югѣ Суворовъ въ два мѣсяца очистилъ отъ французовъ Италію, куда вслѣдъ затѣмъ вступили въ качествѣ хозяевъ Австрійцы; въ Швейцаріи Римскій-Корсаковъ потерпѣлъ пораженіе, а находившійся подъ командою герцога Іоркскаго и плохо снабжавшійся англичанами русскій отрядъ въ Голландіи почти наполовину растаялъ отъ голода и болѣзней, и возмущенный предательствомъ союзниковъ Императоръ Павелъ I отозвалъ свои войска въ Россію.

Съ уходомъ же русскихъ направленный Питтомъ въ правый бокъ Франціи второй ударъ былъ ослабленъ и вмѣсто серьезнаго вреда долженъ былъ послужить къ внезапному внутреннему оздоровленію Франціи.

XXVIII.

Узнавъ въ Каирѣ о новой коалиціи противъ Франціи, Бонапартъ самовольно передалъ командованіе египетскою арміей Клеберу и, прорвавшись сквозь сторожившихъ его на Средиземномъ морѣ Англичанъ, прибылъ въ Марсель почти одновременно съ вѣстью о послѣдней блестящей побѣдѣ его надъ Турками подъ Абукиромъ. Неторопливо подвигаясь къ Парижу, онъ еще въ пути ясно опредѣлилъ то печальное положеніе, въ которомъ находилась Франція. Выродившаяся въ разбои революція продолжала опустошать страну; всѣ принимавшіяся противъ этого зла мѣры свидѣтельствовали о растерянности правительства; людей на мѣстахъ не было; снова разбитыя, снова босыя и голодныя войска на границахъ Италіи и Германіи выражали свое неудовольствіе открытымъ ропотомъ... Съ другой стороны

неподдѣльная радость сбѣгавшихся къ нему на встрѣчу жителей и недвусмысленные намеки импровизированныхъ рѣчей какъ нельзя опредѣленнѣе говорили ему, что уже не одна армія, а весь народъ подымаетъ его на свои плечи, какъ своего главу, ниспосланнаго Провидѣніемъ въ опаснѣйшую для государства историческую минуту.

Назначенный по прибытіи въ Парижъ начальникомъ расположенныхъ въ столицѣ войскъ, Бонапартъ, съ согласія наиболѣе даровитыхъ членовъ правительства, отдалъ распоряженіе о переводѣ въ С.-Клу Совѣта пятисотъ и Совѣта старѣйшинъ, чтобы продиктовать имъ измѣненія въ конституціи. Совѣтъ старѣйшинъ охотно принялъ предложенныя Бонапартомъ поправки, но большинство Совѣта пятисотъ, усмотрѣвъ въ дѣйствіяхъ Бонапарта насиліе надъ закономъ, объявило его самого внѣ закона При столь неожиданномъ отпорѣ, Бонапартъ поблѣднѣлъ и шатаясь направился къ выходу. Но въ кулуарахъ его остановилъ Сіейссъ словами: «они хотятъ вы-

слать васъ изъ Франціи—такъ выгоните ихъ изъ собранія!» Точно реплика находчиваго суфлера, фраза вернула Бонапарту его самообладаніе, и въ слѣдующій же моментъ бросившіеся за нимъ гренадеры съ барабаннымъ боемъ и ружьями на-перевѣсъ начали очищать залъ засѣданій (18 брумера—9 ноября 1799 г.).

На другой день большинствомъ Совѣта старѣйшинъ и меньшинствомъ Совѣта пятисотъ сформировано было новое правительство, названное, по тогдашней модѣ на классицизмъ, консульствомъ и во главѣ его поставленъ былъ Бонапартъ.

Съ этого дня революція была окончена, республика существовала только по имени и Франція имѣла своего повелителя.

XXIX.

Для того, чтобы дать народу возможность отдохнуть отъ внѣшнихъ войнъ, стереть слѣды революціи и поправить свое матеріальное благосостояніе, Бонапартъ по вступленіи во власть отправилъ Австрійскому Императору и Англійскому Королю письма съ просьбою прекратить военныя дѣйствія. «Неужели же, писалъ онъ, война, въ теченіе восьми лѣтъ разорявшая четыре страны, должна быть вѣчною?» На это отъ Австріи получился отвѣтъ, что она не можетъ дѣйствовать безъ согласія своего союзника. Питтъ же поставилъ условіемъ мира возвращеніе Бурбоновъ.

Послѣ неудачи этой, продиктованной искреннимъ миролюбіемъ, попытки не оставалось ничего иного какъ отражать нападеніе силою.

Переведя въ теченіе нѣсколькихъ дней 60.000 армію черезъ Альпы, самъ Бона-

партъ боемъ подъ Маренго 14 іюня 1800 г. выбросилъ Австрійцевъ изъ Сѣверной Италіи, а въ декабрѣ того же года боемъ подъ Гогенлинденомъ Моро открылъ путь французской арміи на Вѣну и этимъ принудилъ Австрію вторично отложиться отъ Англіи.

Для дѣйствія же противъ этой послѣдней, Бонапартъ, совершенно неожиданно для него самого, получилъ весьма серьезную поддержку со стороны Россіи.

Рыцарски прямой императоръ Павелъ I былъ до такой степени возмущенъ предательскимъ отношеніемъ Австріи и Англіи къ русскимъ войскамъ, что, не довольствуясь выходомъ изъ коалиціи, выразилъ желаніе тѣсно сблизиться съ Франціей. Съ этою цѣлью въ Парижъ отправленъ былъ посланникомъ Колычевъ, который отъ имени Государя передалъ Бонапарту приглашеніе принять королевскій титулъ съ тѣмъ, чтобы уничтожить революціонный принципъ, вооружавшій противъ Франціи всю Европу. А чтобы обуздать становившійся совершенно невыносимымъ англійскій дес-

потизмъ на морѣ, Россія заключила союзъ съ Пруссіей, Швеціей и Даніей. Въ силу этого соглашенія Датчане заняли Гамбургъ, служившій главнымъ складочнымъ пунктомъ англійскихъ товаровъ для Германіи, и закрыли устье Эльбы, а Пруссаки заблокировали устье Везера и Эмса и заняли Ганноверъ.

Потерявъ такимъ образомъ базу на континентѣ Европы, Англія принуждена была прекратить на время свои наступательныя дѣйствія противъ Франціи и 25 марта 1802 г. подписала мирный договоръ въ Амьенѣ.

Эта передышка дала возможность Бонапарту проявить такія же чудеса по внутреннему возрожденію Франціи, какія онъ творилъ на поляхъ сраженій. Неустанно работая надъ сближеніемъ классовъ, водвореніемъ религіознаго мира, улучшеніемъ администраціи, финансовой системы, судопроизводства и народнаго образованія; строя дороги и каналы въ провинціи, украшая столицу набережными и другими сооруженіями,—этотъ всеобъемлющій геній не могъ,

конечно, израсходовать всего себя на одни только домашнія дѣла и началъ обращать свой орлиный взоръ на свободное, благодаря прекратившейся войнѣ съ Англіею, море.

Для того чтобы усмирить возстаніе на принадлежавшемъ Франціи о-вѣ С. Домингo, Бонапартъ снарядилъ экспедицію и отправилъ ее подъ начальствомъ своего зятя Леклерка.

Но едва только французскій флотъ переступилъ завѣтную для него черту, какъ по приказанію англійскаго правительства, отданному 13 мая 1803 г., англійскіе крейсера захватили 1200 французскихъ «купцовъ», и не получившая никакого извѣщенія о началѣ войны Франція снова оказалась запертою со стороны моря. Англійская печать открыла ожесточенную травлю противъ Бонапарта. Затѣмъ, чтобы облегчить совѣсть тѣхъ, кого могла смутить шестая заповѣдь, въ Лондонѣ появились спеціальныя сочиненія на тему «умертвить — не значитъ убить», а въ скоромъ времени открытъ былъ и новый заговоръ противъ

перваго консула, организованный на англійскія деньги Кадудалемъ и Пишегрю.

Но Франція оцѣнила уже своего повелителя и за всю боль открытыхъ и тайныхъ укусовъ старалась наградить его такъ же, какъ и за государственныя заслуги. Послѣ неудачнаго покушенія съ адскою машиною въ С.-Никэрѣ, Сенатъ продлилъ консульскую власть Бонапарта на десять лѣтъ. Послѣ Амьенскаго мира назначилъ его пожизненнымъ консуломъ. Послѣ заговора Кадудаля и Пишегрю, чтобы отнять у роялистовъ надежду на возможность государственнаго переворота, облеченный учредительною властью Сенатъ присудилъ побѣдителю при Арколе, Риволи, у Пирамидъ и Маренго, творцу гражданскихъ законовъ и водворителю религіознаго мира титулъ Императора французовъ, а самъ народъ, одобривъ всеобщимъ голосованіемъ рѣшеніе Сената, призналъ въ Наполеонѣ I основателя новой династіи (1804 г.).

XXXI.

Возлагая на себя корону Франціи, Наполеонъ лучше, чѣмъ кто либо другой, зналъ, что въ борьбѣ за жизнь Франція встрѣтилась съ Англіею на такой узкой дорогѣ, мирное расхожденіе на которой невозможно, и что до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезвреженъ страшный островной врагъ,— его имперія все время будетъ служить наковальнею для приводимыхъ въ движеніе англійскимъ искусствомъ континентальныхъ молотовъ. А поэтому, не ослабляя своей государственной дѣятельности, Наполеонъ тщательно началъ готовиться къ высадкѣ на Великобританскіе острова. Съ этою цѣлью въ Булонскій лагерь стянуты были лучшіе полки, отобранные изъ египетской, итальянской и рейнской армій и изъ нихъ образована была превосходно дисциплинированая, вооруженная и самимъ Наполеономъ обученная десантнымъ дѣйствіямъ

«Великая армія». Совершенно готовая къ посадкѣ на стоявшія у пристани суда, она ждала лишь прихода эскадры адмирала Вильнева, которая должна была прикрыть переправу.

Но въ то время какъ незнавшій равныхъ себѣ въ командованіи арміями французскій марсъ собирался опустить свою тяжелую руку надъ Лондономъ,—распоряжавшійся судьбами Европы англійскій юпитеръ заносилъ уже своему противнику ударъ на оба его фланга: на лѣвый противъ находившагося у береговъ Испаніи Вильнева посланъ былъ адмиралъ Нельсонъ (покончившій съ французскимъ флотомъ у Трафальгара 21 октября 1805 г.), а на правый выходили Россія и Австрія (3-я коалиція 1805 г.).

Узнавъ о наступленіи Австрійцевъ, Наполеонъ повернулъ свою Великую армію на востокъ, захватилъ въ плѣнъ армію Мака подъ Ульмомъ и, выйдя черезъ Вѣну въ Моравію, боемъ подъ Аустерлицемъ заставилъ Русскихъ отойти къ своимъ границамъ, а Австрію положить оружіе.

Хотя послѣ Аустерлицкаго сраженія непримиримый врагъ Франціи Питтъ скоро сошелъ со сцены[1], но событія начинали принимать такой опасный для Англіи поворотъ, что она обязана была продолжать войну, и послѣдняя съ каждымъ годомъ начала захватывать все большій и большій театръ и становиться все болѣе и болѣе кровопролитною.

[1] Вѣсть объ Аустерлицкой побѣдѣ Наполеона подѣйствовала на Питта такъ сильно, что онъ потерялъ сознаніе и пришелъ въ себя уже полуразбитый параличомъ. Но и больной, онъ не переставалъ думать о шансахъ войны съ Франціей. «Сверните ее, сказалъ онъ однажды, указывая глазами на карту Европы,—она не понадобится въ теченіе десяти лѣтъ» (т. е. до 1815 г., или Ватерлоо!). Вотъ оно—божественное знаніе той сложной европейской машины, которую приводилъ въ движеніе этотъ геніальный человѣкъ.

Питтъ умеръ въ январѣ 1806 г. Спокойно вынося клевету печати, обвинявшую его въ не совсѣмъ честномъ расходованіи колоссальныхъ суммъ, проходившихъ черезъ его руки на субсидированіе континентальныхъ державъ, онъ оставилъ послѣ себя 800.000 р. долга, который по единогласному постановленію палаты общинъ уплаченъ былъ народомъ.

Въ образовавшуюся въ слѣдующемъ 1806 г. четвертую коалицію противъ Франціи вошли Россія и Пруссія.

Превыше всего гордясь своею фридриховскою тактикою, весьма почтенные лѣтами прусскіе генералы охотно вѣрили тому, что только одни они въ состояніи проучить молодыхъ маршаловъ юноши-Императора. Этою же мыслью проникласъ не пропускавшая ни одного парада королева Луиза, оказавшая сильное вліяніе на осторожнаго короля. Не желая дѣлить лавры съ Русскими, Прусскій король, еще до подхода нашей арміи, послалъ Наполеону требованіе убрать свои войска за Рейнъ.

Отвѣтъ на это требованіе послѣдовалъ немедленно. Въ теченіе всего лишь одного мѣсяца Пруссія лежала у ногъ Наполеона.

Но эти вынужденныя побѣды могли вызывать восторгъ и тѣшить самолюбіе человѣка менѣе прозорливаго, чѣмъ Наполеонъ, ибо самые сильные удары, наносившіеся имъ союзникамъ Англіи, слабо отражались на этой послѣдней и лишь ослож-

няли борьбу съ нею. Рѣшивъ поэтому прервать всякую связь Англіи съ континентомъ, Наполеонъ первымъ дѣломъ по вступленіи въ Берлинъ объявилъ «Британскіе острова въ состояніи блокады» и прежде всего обязалъ Пруссію не покупать англійскихъ товаровъ, а захваченные сжигать.

Двинувшись затѣмъ на встрѣчу Русской арміи, онъ послѣ Прейсишъ-Эйлау и Фридланда обязалъ и Россію закрыть свои порты для Англичанъ.

Теперь для того, чтобы распространить эту такъ называемую «континентальную систему» на всю Европу, нужно было закрыть порты Испаніи и Португаліи. Съ этою цѣлью Наполеонъ направился за Пиренеи и 4 декабря 1808 г. вступилъ въ Мадридъ, а въ это время Англія выдвинула ему въ тылъ Австрію (5-я коалиція 1809 г.).

Съ изумительною быстротою повернувъ назадъ, Наполеонъ сначала въ пятидневномъ бою подъ Экмюлемъ и Ратисбономъ разбросалъ австрійскія арміи, затѣмъ въ

Ваграмскомъ бою докончилъ ихъ пораженіе и по Вѣнскому миру присоединилъ къ Франціи все восточное побережье Адріатическаго моря. Иными словами—фактически распространилъ континентальную систему и на Австрію.

XXXII.

Послѣ войны 1809 г. общая обстановка на театрѣ борьбы за жизнь между Англіею и Франціей сложилась слѣдующимъ образомъ:

Въ теченіе восемнадцати лѣтъ не объявивъ сама ни одной войны (кромѣ вынужденнаго похода за Пиренеи), но активно отражая методически, точно волны прибоя, накатывавшіяся на ея правый флангъ коалиціонныя арміи,—Франція распространила свое господство на всю Западную Европу.

Распоряжаясь теперь богатствами послѣдней въ людяхъ и деньгахъ, владѣя

всѣми побережьями Сѣвернаго моря и обладая воплотившеюся въ лицѣ ея Императора творческою энергіей, — она имѣла возможность въ короткое время создать превосходный парусный флотъ, переправить подъ прикрытіемъ его на Британскіе острова какой угодно силы армію и покончить съ неустанно нападавшимъ на нее врагомъ въ его же собственномъ домѣ.

Эта операція являлась тѣмъ болѣе осуществимою, что оставшаяся одинокою Англія была наканунѣ оборонительной войны съ С.-А. Соединенными Штатами, долженствовавшей отвлечь значительную часть ея морскихъ силъ на западъ.

Такимъ образомъ для Англіи близился уже тотъ судный день, когда она, нарвавшись на геній Наполеона, должна была опуститься на уровень сваленныхъ ею Голландіи и Испаніи.

Но преемственно даровитый англійскій кабинетъ вывелъ ее и изъ этого положенія.

Въ то время вполнѣ независимыми и могущественными державами въ Европѣ оставались лишь — сама Англія, деспотически

царившая на морѣ, Франція, господствавшая надъ западною половиною Европы, и Россія, владѣвшая восточною половиною этого материка. Такъ какъ между двумя послѣдними не было ровно никакихъ причинъ для жизненнаго соперничества, требовавшихъ устраненія вооруженною силою, то вся работа англійской дипломатіи сосредоточилась на созданіи ихъ искусственнымъ образомъ и прежде всего на томъ, чтобы охладить дружественныя, послѣ тильзитской и эрфуртской встрѣчъ, отношенія между Императоромъ Александромъ I и Наполеономъ и довести ихъ до открытаго разрыва.

Однимъ изъ главныхъ орудій для этой цѣли явился собственный министръ Наполеона Талейранъ.

Посланный въ Петербургъ съ деликатнѣйшею миссіей, долженствовавшею привести къ прочному союзу между Россіею и Франціей, онъ поступилъ такъ, какъ диктовали ему его личные интересы. «J'avoue, пишетъ онъ, que j'étais effrayé d'une alliance de plus entre la France et la Russie. A mon sens,

il fallait arriver à ce que l'idée de cette alliance fût assez admise pour satisfaire Napoléon, et à ce qu'il y eut cependant des réserves qui la rendissent difficile».

Умно посѣянныя опытнымъ христопродавцемъ сѣмена взаимнаго неудовольствія, быстро разрастаясь въ личную обиду и непримиримую ненависть, въ концѣ концовъ запурпуровѣли кровавымъ плодомъ войны.

Закончивъ всѣ приготовленія къ далекому и трудному походу, Наполеонъ въ маѣ 1812 г. прибылъ въ Дрезденъ и здѣсь, во всемъ блескѣ своего величія, окруженный свитою коронованныхъ вассаловъ, обнажилъ мечъ противъ Россіи.

И вотъ, по одному мановенію бога войны, уже стоявшія подъ ружьемъ 680.000 Французовъ, Пруссаковъ, Австрійцевъ, Саксонцевъ, Баварцевъ, Вюртембержцевъ, Вестфальцевъ, Голландцевъ, Итальянцевъ, Поляковъ и т. д. трогаются съ мѣста, и весь этотъ бурный потокъ разноязычныхъ народовъ съ тяжелымъ громыханіемъ орудій, скрипомъ обозовъ, топотомъ и ржаніемъ 176.850 лошадей устремляется къ востоку...

Никогда еще, какъ именно въ эту минуту, не могъ англійскій геній сказать съ бо́льшимъ правомъ, что «политика есть господство ума надъ чувствами и матеріей»; никогда изобрѣтенное имъ «the ballance of power in Europe» не получило столь полнаго и столь внушительнаго выраженія, какъ теперь, когда на одну чашку вѣсовъ положена была западная половина Европы, а на другую восточная, и никогда англійскій народъ не имѣлъ больше основаній гордиться своимъ правительствомъ, какъ теперь, когда «the great Shadow»—«Великая тѣнь», приводившая въ уныніе и трепетъ Британскіе острова, отброшена была наконецъ въ сторону и поползла на зубчатыя стѣны Московскаго Кремля...

XXXIII.

Невольно сдѣлавшись громоотводомъ Англіи и принявъ на себя удары ополчившейся противъ нее Западной Европы, Россія обнаружила все присущее ея народу и арміи мужество, но при этомъ, по мнѣнію Кутузова, она должна была ограничиться изгнаніемъ враговъ и «сохранить Наполеона для Англіи».

Къ несчастью, окружавшая государя свита изъ Англичанина Роберта Уилтона, Шведа Армфельда, Пруссаковъ Вольцогена и Винценгероде, Эльзасца Амштедта, Піемонтца Мишо и Корсиканца Поццо ди-Борго, не обращая вниманія на разореніе страны и усталость войскъ, напрягала всѣ усилія къ тому, чтобы перенести войну за границу для освобожденія отъ ига Наполеона и Западной Европы.

Старанія иностранцевъ увѣнчались успѣхомъ, и 1. января русская армія переправилась за Нѣманъ.

Начавшееся такимъ образомъ обратное теченіе народовъ съ востока на западъ должно было оказать самое рѣшительное вліяніе на ходъ англо-французской борьбы, такъ какъ, по мѣрѣ приближенія къ границамъ Франціи, число наступавшихъ на нее континентальныхъ державъ увеличивалось, силы ихъ росли и духъ крѣпъ въ той же прогрессіи, въ какой убывала мощь Франціи.

Уже въ маѣ 1813 г. подъ Люценомъ и Бауценомъ подъ знаменами Наполеона сражалась армія, отпущенная ему, такъ сказать, въ кредитъ, ибо въ ея рядахъ находились взятые до срока контингенты 1813—14 и 15 г.г. Во время Пойшвицкаго перемирія, надавивъ на Францію всею тяжестью своей власти и выжавъ изъ нея послѣдніе соки, онъ довелъ свои силы до 350.000 человѣкъ, но это были солдаты уже только по имени и во главѣ ихъ стояли не львы Аустерлица, Ваграма, Іены и Ауэрштедта. Идеальный начальникъ штаба Бертье, перенеся воспаленіе мозга, страдалъ забывчивостью, мечталъ объ охотѣ въ своемъ

недавно пріобрѣтенномъ имѣніи и перепутывалъ приказанія. Перегруженные наградами и славою маршалы вслухъ думали о прекращеніи войны и возвращеніи во Францію.

Наконецъ самъ Наполеонъ, надломленный московскимъ походомъ, заболѣлъ старческой апатіей. Еще недавно окрылявшая его геній музыка орудій перестала дѣйствовать на его душу, и иногда въ пылу боя, сидя на барабанѣ, онъ тщетно старался поднять свои вѣки, поминутно наливавшіяся свинцомъ дремоты. А поэтому, при образцовой въ техническомъ смыслѣ подготовкѣ операцій на Эльбѣ,—въ самомъ выполненіи ихъ уже не было вдохновенія. Недоведенная до конца побѣда его подъ Дрезденомъ (августъ 1813 г.) и цѣлый рядъ сраженій (Кацбахъ, Гросбеернъ, Денневицъ, Кульмъ), проигранныхъ его маршалами, заставили его отойти къ Лейпцигу. Здѣсь въ трехдневной «битвѣ народовъ» (октябрь 1813 г.), вмѣстѣ съ потерею Германіи, рухнуло господство Наполеона надъ Западною Европою, и онъ вынужденъ былъ уже не

отступать, а пробиваться сквозь возставшіе въ тылу народы Рейнскаго союза.

Въ январѣ 1814 г. огромная масса союзныхъ войскъ, общею численностью около 400.000 человѣкъ, тремя потоками начала переливаться черезъ границы Франціи.

Оставшійся съ нѣсколькими дивизіями гвардіи и новобранцами въ возрастѣ нашихъ потѣшныхъ, всего 60.000 человѣкъ, Наполеонъ еще разъ проявилъ былую энергію. Съ невѣроятною быстротою и львиною отвагою бросаясь то противъ одной, то противъ другой колонны, онъ одерживаетъ цѣлый рядъ побѣдъ. Его январьскіе и февральскіе С. Дизье, Бріенъ, Шампоберъ, Монмираль, Вошанъ и Монтеро заняли весьма почетныя мѣста въ стратегіи и тактикѣ, но въ ходѣ событій это была уже агонія. Съ каждымъ разомъ удары его становятся слабѣе и слабѣе. За Краономъ слѣдуетъ Лаонъ, за Лаономъ — Арсисъ-сюръ-Объ, и отброшенный въ сторону левъ открываетъ союзникамъ путь къ столицѣ.

Съ занятіемъ Парижа союзными войсками

участь Наполеона, какъ императора, и участь Франціи, какъ міровой державы, была рѣшена окончательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилась до извѣстной степени и судьба всѣхъ народовъ континентальной Европы.

Едва избавясь отъ грубаго по формѣ диктаторства «Наполеона-человѣка», Европа сейчасъ же подпала подъ утонченное и полное рокового значенія иго «Наполеона-народа»...

XXXIII.

Въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ ведя крайне упорную борьбу съ Франціей, Англія своими собственными войсками почти не участвовала въ бояхъ. Вмѣсто того, чтобы проливать драгоцѣнную кровь своихъ подданныхъ, она снабжала сражавшіяся за нее континентальныя арміи пушками, снарядами, ружьями, одѣялами, сапогами, палатками, сѣдлами, шанцевымъ инструментомъ и т. п.; не участвовавшихъ

въ бою она одѣвала въ свои ткани, привозила имъ посуду, стальныя издѣлія, предметы роскоши и, какъ хозяйка морей, обезпечивала материкъ всѣми колоніальными товарами. Иными словами, была поставщикомъ по-горло знаятой войнами Европы.

Съ введеніемъ континентальной системы, когда для распространенія ея и на Пиренейскій полуостровъ Наполеонъ двинулъ свои войска противъ Испаніи и Португаліи,—Англія немедленно послала на помощь послѣднимъ небольшую армію, а ея корабли направились къ берегамъ Америки, дали толчокъ къ возстанію испанскихъ колоній и, уничтоживъ торговую монополію Испанцевъ, открыли для англійской торговли обширный американскій рынокъ.

Одновременно съ этимъ, обладавшіе изумительною широтою взгляда, при которой весь земной шаръ казался имъ много меньше, чѣмъ намъ кажется сейчасъ Россія, государственные люди Англіи дѣлали и другое не менѣе важное дѣло:

Въ 1799 г., когда наши войска штыками прокладывали себѣ путь въ тѣснинахъ Швейцаріи, Англія заняла Мальту и, утвердивъ свое господство на Средиземномъ морѣ, закупорила намъ проливы.

Въ 1805 г., во время шенграбенскаго и аустерлицкаго боевъ, уже проложивъ цѣпь этаповъ вдоль западнаго берега Африки, она отняла у Голландцевъ лежавшую на тогдашнемъ пути въ Индію и представлявшую собою превосходную базу для наступленія въ глубь Африки—Капскую колонію, а по восточную сторону этого материка захватила у Французовъ вытянувшіяся по направленію къ Индіи группы острововъ Иль-де-Франсъ и Сешельскіе.

Въ 1813 г., въ то время какъ наша армія спасала Западную Европу подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ, она заканчивала уже завоеваніе Индіи, чтобы съ этой базы распространить свое господство на югъ Азіи и преградить намъ наступленіе по всему нашему фронту.

Короче говоря, въ то время какъ вся континентальная Европа выжимала изъ себя

всѣ соки въ ожесточенныхъ, но представлявшихъ для нея самой одно сплошное недоразумѣніе войнахъ, Англія закладывала прочный фундаментъ своего матеріальнаго благосостоянія и своей нынѣшней грандіозной Имперіи.

Затѣмъ, послѣ побѣды надъ Франціей, оставшись единственною морскою державою, она окружила европейскій материкъ своимъ могущественнымъ флотомъ и, точно насыщенною электричествомъ изгородью, размежевала имъ земной шаръ слѣдующимъ образомъ:

Все, что находилось снаружи этой изгороди, т.е. весь безграничный просторъ морей съ разбросанными на нихъ островами, всѣ самыя обильныя теплом, свѣтомъ и природными богатствами страны, словомъ весь Божій міръ она предоставила въ пользованіе Англо-Саксовъ, а для всѣхъ остальныхъ народовъ бѣлой расы устроила на материкѣ концентраціонный лагерь.

XXXI.

Результаты подобнаго размежеванія должны были обнаружиться въ довольно скоромъ времени.

Обладая такимъ безъ мѣры въ длину и безъ конца въ ширину идеальнымъ полотномъ, какое представляетъ собою водная поверхность земного шара, Англичане проводили на немъ судоходныя линіи, устраивали станціи, занимали проходы, устанавливали для защиты ихъ артиллерію; продвигались съ прибрежныхъ частей въ глубь материковъ, захватывали лучшія земли, открывали конторы, овладѣвали новыми рынками. Съ каждымъ годомъ увеличивавшіеся въ числѣ и вмѣстимости англійскіе корабли, развозя во всѣ концы міра продукты англійскаго труда и возвращаясь назадъ съ драгоцѣнными произведеніями тропиковъ и сырыми матеріалами для фабрикъ и заводовъ, въ то же время, точно

гигантская помпа, прикачивали къ Лондону золото, а послѣднее разливаясь по странѣ, вносило волшебную перемѣну во всю матеріальную и духовную жизнь Англичанъ.

«Ротшильдъ-народъ» и притомъ разумный «Ротшильдъ» — Англичане не жалѣли своихъ капиталовъ на всевозможные опыты по обработкѣ и удобренію земли, на подборъ сѣмянъ, на улучшеніе породъ скота, на устройство просторныхъ и свѣтлыхъ жилищъ, красивую и удобную обстановку ихъ и т. д. и т. д. И вотъ, съ теченіемъ времени сырые и туманные острова начали превращаться въ образцовую ферму. Грубое, страдавшее всѣми неразлучными съ нуждою человѣческими пороками, въ особенности пьянствомъ, населеніе выростало въ воздержную, проникавшуюся чувствомъ собственнаго достоинства аристократическую расу. Англійскій языкъ изъ конторъ и изъ-за магазинныхъ прилавковъ смѣло направился въ европейскіе салоны, гдѣ англійскій комфортъ тѣснилъ уже въ свою очередь французское изящество. Словомъ, по мѣрѣ увеличенія бо-

гатствъ, Англія превращалась въ модель, которой прежде всего начала подражать Франція.

Легко и быстро подымаясь такимъ образомъ на высшую ступень культуры и занимая господствующее положеніе по отношенію къ другимъ народамъ, Англичане ни на одну минуту не спускали глазъ съ запертаго и обреченнаго ими на физическое и моральное «degeneracy» европейскаго материка.

Послѣ разгрома Франціи, они начали переносить свое вниманіе на Россію, ибо, со вступленіемъ на престолъ Императора Николая I, послѣдняя снова обратилась къ своимъ собственнымъ дѣламъ и, начавъ наступленіе правымъ флангомъ къ Средиземному морю и Персидскому заливу, могла прорвать здѣсь англійскую блокаду и сдѣлаться морскою державою, т. е. дать выходъ наружу своимъ глохнущимъ взаперти силамъ и средствамъ.

Въ виду этого, сейчасъ же ставъ за спиною Турціи и Персіи для удержанія первыхъ нашихъ натисковъ, Англичане

вмѣстѣ съ тѣмъ начали сосредоточивать къ нашему правому флангу силы всей континентальной Европы.

Этотъ маневръ, требовавшій для своего выполненія многихъ лѣтъ, представляетъ собою лучшее доказательство того, съ какою непрерывностью, послѣдовательностью и искусствомъ работаетъ англійскій кабинетъ, независимо отъ смѣны стоящихъ во главѣ его лицъ.

XXXVI.

Какъ извѣстно, послѣ пораженія Франціи, эта считавшаяся главною виновницею всѣхъ безпорядковъ въ Европѣ держава привлечена была на международный судъ въ Вѣну. Здѣсь, заодно съ нею, присуждены были къ наказанію и большинство мелкихъ государствъ, разбитая на куски территорія которыхъ пошла на вознагражденіе державъ, принимавшихъ наиболь-

шее участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ. Этотъ раздѣлъ вызвалъ бездну неудовольствій и обидъ, грозившихъ при первомъ же удобномъ случаѣ перейти въ возстаніе. А поэтому, для обезпеченія мира въ Европѣ, образованъ былъ Священный Союзъ, и вслѣдъ за войнами началась эпоха конгрессовъ и усмирительныхъ экспедицій.

Не имѣя возможности дѣйствовать открыто, всѣ недовольные начали организоваться въ тайныя общества и въ противовѣсъ войскамъ формировать арміи рабочихъ. Въ каждомъ государствѣ эти общества преслѣдовали свои цѣли: во Франціи они стремились къ сверженію Бурбоновъ и возведенію на престолъ династіи Бонапарта; въ Италіи желали освобожденія изъподъ австрійской зависимости и объединенія многочисленныхъ мелкихъ владѣній въ одно государство; въ Австріи подготовляли отдѣленіе Венгріи и т. д. Но всѣ эти скрытыя силы имѣли одну и ту же организацію, одинъ и тотъ же уставъ, одну и ту же дисциплину и одну и ту же іерархію, приводившую въ концѣ концовъ

къ подчиненію ихъ главѣ англійскаго кабинета.

Такимъ образомъ послѣ Вѣнскаго конгресса въ Европѣ установилось, если можно такъ выразиться, «вертикальное равновѣсіе силъ»; наверху всѣми такъ называвшимися реакціонными силами командовалъ главный вдохновитель Священнаго Союза Метернихъ, а всѣ нижнія, или либеральныя теченія направлялись Пальмерстономъ, и перевѣсъ былъ конечно на сторонѣ послѣдняго.

Въ 1830 г., когда изнемогшій подъ непрерывнымъ давленіемъ англійскаго кабинета Карлъ X рѣшилъ освободиться отъ англійской и метерниховской опеки и вступить въ союзъ съ Россіей,—Пальмерстонъ однимъ толчкомъ революціи этого же года снесъ съ королевскаго трона Франціи старшую вѣтвь Бурбоновъ, оторвалъ Бельгію отъ Голландіи и накренилъ почти всѣ пограничные столбы, поставленные Вѣнскимъ конгрессомъ.

Вторымъ подземнымъ толчкомъ 1848 г. онъ еще сильнѣе встряхнулъ Западную

Европу для лучшаго саморазсортированія ея народностей, при чемъ опрокинулась младшая династія Бурбоновъ и Франція превратилась въ республику.

10 декабря 1848 г. весьма удобною для державшихъ въ своихъ рукахъ рабочія массы тайныхъ обществъ всеобщею, равною, прямою и закрытою балотировкой избранъ былъ на президентскій постъ племянникъ Наполеона I Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ.

Послѣ маленькаго восемнадцатаго брюмера Людовикъ Бонапартъ повернулъ Францію отъ республики къ Имперіи; 2 декабря 1852 г. онъ взошелъ на престолъ подъ именемъ Наполеона III, а 10 апрѣля 1854 г. оформилъ свои тайныя соглашенія съ англійскимъ кабинетомъ союзомъ противъ Россіи, къ которому примкнулъ и зародышъ будущаго Итальянскаго королевства—Пьемонтъ.

Вслѣдъ за этимъ англо-французскія эскадры двинулись къ Петропавловску на Камчаткѣ, въ Бѣлое и Балтійское моря, а главныя силы союзнаго флота и десант-

ная армія направились въ Черное море и на Крымскій полуостровъ.

Съ безошибочностью хорошаго хронометра подготовивъ такимъ образомъ ударъ и направивъ его одновременно на всѣ наши побережья, Англія утопила нашъ Черноморскій флотъ, начинавшій уже выдвигать изъ себя Нахимовыхъ и Корниловыхъ, до тла разорила его базу, сдѣлала Черное море нейтральнымъ и запретила намъ строить на немъ новыя военныя суда...

XXXVII.

8 апрѣля 1856 г. на Парижскомъ конгрессѣ представитель Пьемонта графъ Кавуръ выдвинулъ вопросъ о положеніи Италіи и этимъ напомнилъ Наполеону III о второмъ его обязательствѣ, данномъ передъ вступленіемъ на престолъ. Поставленный въ необходимость считаться съ религіозными чувствами своего народа и интересами собственной страны, Императоръ медлилъ.

Поэтому 14 января 1858 г. нѣсколько итальянскихъ фанатиковъ бросили подъ его карету адскій снарядъ. Преступники были казнены, но въ слѣдующемъ же 1859 г. Наполеонъ III двинулъ на Апеннинскій полуостровъ 120.000 французскую армію, нанесъ Австрійцамъ пораженіе при Маджентѣ и Сольферино и, получивъ по Виллафранкскому міру Ломбардію, передалъ ее Пьемонту.

Этотъ первый успѣхъ сильно ободрилъ итальянскихъ карбонаріевъ. Въ 1860 г. поднялась Сицилія, откуда одинъ изъ революціонныхъ вождей—Гарибальди пошелъ со своею бандою въ Неаполь, а спускавшаяся навстрѣчу ему изъ Ломбардіи пьемонтская армія овладѣла Среднею Италіей и Церковною областью.

18 февраля 1861 г. съѣхавшіеся въ Туринѣ депутаты перваго итальянскаго парламента постановили предложить пьемонтскому королю титулъ короля Италіи, для полнаго единства которой оставалось еще отнять у Папы Римъ и у Австрійцевъ Венецію.

Но одновременно съ объединеніемъ народовъ Апеннинскаго полуострова,—въ центрѣ Европы подходила уже къ концу политическая мобилизація жившихъ отдѣльными самостоятельными группами подъ шефствомъ Австріи германцевъ.

Несмотря на то, что мобилизація эта производилась совершенно открыто и всѣ послѣдствія ея могли быть учтены заранѣе, Наполеонъ III продолжалъ выполнять свои союзныя обязательства по отношенію къ Англіи. Французскій флотъ и войска открывали въ это время китайскіе порты, и вниманіе французскаго общества отвлечено было по другую сторону земного шара. Между тѣмъ безостановочно движущаяся стрѣлка историческихъ часовъ близилась уже къ той цифрѣ, когда въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Франціей долженъ былъ послышаться протяжный и гулкій бой прусскихъ орудій.

Въ 1864 г. въ союзѣ съ Австріей Пруссія двинула свои войска противъ Даніи и отняла у нея Шлезвигъ и Голштинію, предоставившія ей гавань Киль, устье Эльбы

и чрезвычайно важные участки береговой полосы Балтійскаго и Сѣвернаго морей, связанные нынѣ каналомъ.

Въ 1866 г. она повернулась на югъ и совмѣстно съ Италіей выбросила Австрію изъ германскаго союза. Хотя сама Италія потерпѣла при этомъ пораженіе, но за то, что она оттянула на себя 160.000 австрійскую армію, она, благодаря любезности Наполеона III, получила Венецію.

Наконецъ пришелъ чередъ и Франціи собирать печальные плоды тѣхъ лѣтъ дѣятельности ея Императора, когда освѣщенный искусно направленнымъ на него со стороны прожекторомъ, онъ казался чуть ли не вершителемъ судебъ Европы.

Возстановившій противъ себя за Севастополь Россію, не поддержавшій въ 1866 г. Австрію и умышленно брошенный теперь Англіею — мечтательный и робкій по натурѣ Наполеонъ III слишкомъ поздно увидѣлъ, какою игрушкою былъ онъ въ рукахъ своего коварнаго союзника. Окончательно потерявъ поэтому голову, онъ при полной неготовности самъ объявилъ войну Пруссіи

и спустя мѣсяцъ послѣ начала военныхъ дѣйствій ѣхалъ уже въ Германію въ качествѣ плѣннаго. Спустя еще пять мѣсяцевъ, въ богато украшенномъ картинами былыхъ побѣдъ французовъ надъ германцами залѣ Версальскаго дворца Вильгельмъ I провозглашенъ былъ Императоромъ единой Германіи. Наконецъ еще черезъ четыре мѣсяца, снова разоренная и еще разъ духовно надломленная, Франція отодвинута была за тѣ границы, до которыхъ въ 1552 г. довели ее Капетинги.

Съ ослабленіемъ же Франціи, образованіемъ Германской имперіи и Итальянскаго королевства и тѣми перемѣнами, которыя внесены были войною 1877—78 г.г. на Балканахъ и дѣятельностью англійской дипломатіи на Скандинавскомъ полуостровѣ—на шахматной доскѣ Европы почти всѣ фигуры оказались придвинутыми къ востоку и занявшими по отношенію къ нашей границѣ слѣдующее положеніе:

1. Скандинавскія гусударства: Еще передъ Севастопольскою войною, желая нарушить наши добрососѣдскія отношенія

съ Скандинавскими народами, — англійскій кабинетъ, посредствомъ печати, поднялъ завѣдомо ложную тревогу о томъ, что будто бы Россія ищетъ выхода къ Атлантическому океану черезъ Норвегію и намѣтила для этого гавань Викторію [1]. Затѣмъ, чтобы сдѣлать эту скверную выдумку болѣе правдоподобной, — въ ноябрѣ 1855 г. тогдашніе союзники Англіи и Франціи подписали въ Стокгольмѣ съ Швеціею и Норвегіей договоръ, по которому Скандинавскія государства обязывались не уступать, не обмѣнивать и не позволять Россіи занимать какой бы то ни было участокъ шведско-норвежской территоріи. Съ своей стороны Англія и Франція обѣщались, въ случаѣ надобности, поддержать шведскаго короля войсками и флотомъ.

[1] Подобный же ложный слухъ пущенъ былъ и весною нынѣшняго года посредствомъ сильно нашумѣвшей брошюры Свена Гедина, явившейся ничѣмъ инымъ, какъ отвѣтомъ на требованія русской печати убрать изъ Персіи англійскаго маіора Стокса, работавшаго съ Морганомъ Шустеромъ въ такомъ же согласіи, въ какомъ Англія работаетъ съ С.-А. Соединенными Штатами во всей Южной Азіи.

Измысливъ такимъ образомъ предлогъ и официально взявъ подъ свое покровительство Скандинавскія государства, Англія съ этой базы распространила свое вліяніе на Финляндію и начала постепенно превращать Финляндію въ свой политическій авангардъ, Швецію въ финляндскій резервъ, а Норвегію оттягивать подъ собственное крыло, чтобы обезпечить себѣ пользованіе норвежскими бухтами при наступательной войнѣ съ очередною континентальною державою на Сѣверномъ морѣ.

2. Германія. Превратясь со времени своего объединенія въ нѣсколько разъ увеличенную Пруссію, эта могущественная военная держава привлекла къ себѣ три четверти нашего вниманія и силъ.

3. Австро-Венгрія. Вытѣсненная изъ Италіи и Германскаго Союза, она повернулась въ противоположную сторону, т. е. частью къ востоку, а главнымъ образомъ на Балканы [1].

[1] А для того, чтобы дать читателямъ возможность судить о томъ, чей же въ дѣйствительности мозгъ ра-

Вотъ, собственно говоря, когда и въ какомъ видѣ сказались результаты нашего участія въ коалиціяхъ, нашихъ войнъ за

ботаетъ на Балканахъ, приведу слѣдующее письмо англійскаго посла въ Константинополѣ сэра Уильяма Уайта къ англійскому послу въ Петербургѣ сэру Роберту Моріеру, писанное 7 декабря 1885 г.: «Что касается принятаго нами образа дѣйствій, то я увѣренъ что вы одобрите его. Въ будущемъ Европейская Турція, до Адріанополя по крайней мѣрѣ, должна принадлежать христіанскимъ народамъ... Мы подвергались постояннымъ обвиненіямъ со стороны Россіи въ томъ, что являемся главнымъ препятствіемъ освобожденію христіанскихъ народовъ Европейской Турціи. Причины для такого особеннаго образа дѣйствій съ нашей стороны по счастью перестали существовать; мы имѣемъ теперь возможность дѣйствовать безпристрастно и постепенно, съ надлежащими одержками, примѣнять ту политику, которая прославила Пальмерстона въ отношеніи Бельгіи, Италіи и т. д. Русскіе принесли много жертвъ для освобожденія Греціи, Сербіи и Княжествъ. Но они потеряли все свое вліяніе въ Греціи, Сербіи и Румыніи. Одна только Черногорія осталась вѣрною и благодарною... Въ настоящее время они теряютъ Болгарію... Эти только что освобожденные народы желаютъ дышать свѣжимъ воздухомъ, но не черезъ русскія ноздри (and not trough Russian nostrils)... Чув-

освобожденіе Европы и ошибочнаго пониманія нами «равновѣсія силъ». Дѣятельно помогая Англіи валить Францію, мы упу-

ствую конечно, что все это можетъ имѣть свой contre coup въ Азіи, но мы не можемъ опредѣлить нашъ курсъ по чисто азіатскимъ соображеніямъ. Несомнѣнно, что всѣ великіе интересы наши тамъ, но мы имѣемъ также и европейскія обязанности, и европейское положеніе, и даже европейскіе интересы».

Дополняя это письмо собственными коментаріями, хорошо извѣстный писатель, питомецъ Московскаго университета и другъ Россіи Джофри Дреджъ говоритъ: «Если бы султанъ оказался несговорчивымъ и требуемыя державами реформы невыполнимыми, то мы (Англичане) должны приложить всѣ старанія къ тому, чтобы помочь Болгарамъ въ созданіи ихъ государственной мощи. Наконецъ, въ случаѣ полной невозможности «защитить Больного человѣка ширмою отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ», необходимо обратиться къ тому средству, на которое указываютъ слова Болгарскаго національнаго гимна «Маршъ, маршъ! Цареградъ нашъ!..» Какъ бы тамъ ни было, но союзъ Балканскихъ государствъ съ расширенною Болгаріею, подъ покровительствомъ Австро-Венгріи или безъ онаго, представитъ собою наиболѣе разумное рѣшеніе вопроса». При чемъ Англія по мысли Дреджа должна занять Смирну и Митилены.

стили время, когда съ половиною войскъ, дравшихся на западѣ, смѣло могли пробить себѣ путь къ южнымъ морямъ. А сваливъ Францію, мы тѣмъ самымъ ослабили полезный намъ противовѣсъ и дали возможность Англіи придвинуть къ нашей границѣ всю континентальную Европу, которая въ свою очередь давленіемъ на нашъ правый флангъ помогла Англіи парализовать наши дѣйствія на всемъ нашемъ фронтѣ отъ устьевъ Дуная до Желтаго моря...

XXXIX.

Послѣ всего сказаннаго не трудно, вѣрнѣе *страшно* легко понять и истинный смыслъ событій, представляющихъ собою органически сросшееся съ событіями прошлаго столѣтія продолженіе ихъ.

Сдѣлавшись единственною обладательницею морскихъ путей и распространивъ свое политическое и экономическое господство на большую часть земного шара,

Англія напрягала и продолжаетъ напрягать всѣ усилія къ тому, чтобы удержать за собою это исключительное положеніе и на всякую попытку со стороны другихъ континентальныхъ державъ выйти въ море смотрѣла и продолжаетъ смотрѣть какъ на посягательство на ея жизненные интересы. Дважды разрушивъ поэтому наши морскія силы и заблокировавъ насъ съ фронта такимъ образомъ, что въ настоящее время единственнымъ и уже полузакрытымъ выходомъ осталась одна Персія, Англія въ то же время подготовлялась къ дѣйствіямъ противъ очереднаго и послѣдняго изъ ея серьезныхъ соперниковъ—Германіи.

Хотя послѣ войны 1870 г. Германцы получили съ Франціи два милліарда рублей, но это единовременное пособіе, ушедшее большею частью на покрытіе военныхъ расходовъ, не сдѣлало ихъ ни богатыми, ни счастливыми. Уже скоро послѣ войны недовольство накопившагося въ городахъ рабочаго населенія начало выражаться въ стачкахъ, забастовкахъ и покушеніяхъ на Императора Вильгельма I (1878 — 83 — 84—85 г. г.).

Такъ какъ строгія карательныя мѣры, примѣнявшіяся Бисмаркомъ, не привели ни къ чему, то, разсчитывая уладить дѣло съ помощью мирнаго соглашенія, Императоръ Вильгельмъ II приказалъ въ 1891 г. созвать въ Берлинѣ рабочій конгрессъ, на которомъ приняты были многія требовавшіяся рабочими улучшенія ихъ быта. Но достигнутое такимъ образомъ успокоеніе было непродолжительно, ибо главная причина всеобщаго недовольства коренилась въ томъ, что, сжатая съ трехъ сторонъ такими же густо населенными государствами, Германія не могла питать свое быстро растущее населеніе одними собственными средствами, а стало быть нужно было искать ихъ въ четвертой сторонѣ.

Придя къ такому выводу, Вильгельмъ II объявилъ, что «будущее Германіи лежитъ на морѣ». Послѣ этихъ словъ, заключавшихъ въ себѣ необычайно важную и для сосѣдей политическую программу, точно вырвавшаяся изъ запертаго сосуда, германская энергія устремилась на морскія предпріятія. При чемъ, несмотря на то, что Гер-

манія начала превращаться въ морскую державу слишкомъ поздно, когда всѣ колоніи были уже разобраны, рынки захвачены и для достиженія ихъ нужно было ѣздить по англійскимъ путямъ и останавливаться на англійскихъ станціяхъ,—Германцы въ короткій срокъ достигли удивительныхъ результатовъ. Ихъ торговый флотъ по количеству и качеству судовъ давно обогналъ французскій и достигъ почти одной трети англійскаго. Обороты морской торговли уже въ 1904 г. почти вдвое превысили собою французскую контрибуцію, а въ 1910 г. достигли шести милліардовъ рублей.

Но столь быстрому расцвѣту вѣроятно будетъ соотвѣтствовать и такой же внезапный конецъ.

Звучный кличъ Императора, всколыхнувшій собою германскій народъ, сейчасъ же подхваченъ былъ Англичанами, какъ вызовъ на борьбу не на жизнь, а на смерть.

Занятая сначала въ Трансваалѣ, а затѣмъ борьбою съ нами въ Азіи, Англія еще до Портсмутскаго мира возобновила

свой союзъ съ Японіей и, поручивъ ей охрану своихъ интересовъ до Индіи включительно, начала стягивать всѣ свои силы въ Сѣверное море и вотъ еще невиданный по величинѣ флотъ ея дамокловымъ мечомъ повисъ уже надъ Германіей...

Въ апрѣлѣ нынѣшняго года у одного изъ моихъ друзей я встрѣтился съ немолодымъ уже, серьезнымъ и весьма освѣдомленнымъ господиномъ, только что вернувшимся изъ-за-границы, отъ котораго услышалъ слѣдующее:

«Могу сказать вамъ какъ безусловную истину, что во второй половинѣ октября Англія нападетъ на Германію и къ концу декабря уничтожитъ германскій флотъ».

На вопросъ, отчего именно въ октябрѣ?— мой собесѣдникъ отвѣтилъ: «потому что до этого времени необходимо наладить дѣла на Балканахъ».

Этотъ разговоръ, я привожу здѣсь, не придавая ему серьезнаго значенія, — ибо, раздадутся ли первые англійскіе выстрѣлы въ ночь на 8/21 октября, т. е. въ годов-

щину положившаго начало міровому господству Англіи трафальгарскаго боя, или однимъ-двумя мѣсяцами позже, все равно результатъ будетъ одинъ и тотъ же: въ силу исключительно благопріятнаго географическаго положенія Англіи морская торговля Германцевъ будетъ прервана, много слабѣйшій флотъ ихъ будетъ разбитъ и сама Германія будетъ выброшена на сушу.

Но такъ какъ для серьезнаго обезсиленія первоклассной европейской державы одной морской побѣды надъ нею совершенно недостаточно, а необходимо глубокое пораженіе ея на сушѣ, то сама Англія начнетъ войну лишь въ томъ случаѣ, если ей удастся вовлечь въ нее Россію и Францію. Участіе этихъ державъ и распредѣленіе ихъ по театрамъ войнъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обсуждались англійскою печатью такъ, какъ будто бы «тройственное соглашеніе» было уже формальною коалицею противъ Германіи.

При такихъ условіяхъ разсчитывать на чистосердечное желаніе англійской дипло-

матіи привести нынѣшнія Балканскія событія къ мирному разрѣшенію трудно. Наоборотъ надо думать, что, пользуясь огромнымъ вліяніемъ на Балканахъ и въ извѣстныхъ сферахъ Австріи, она будетъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ этихъ событій завязку общеевропейской войны, которая, еще больше чѣмъ въ началѣ прошлаго столѣтія опустошивъ и обезсиливъ континентъ, явилась бы выгодною для одной только Англіи.

Возможно, что огромный англійскій умъ и систематическая работа одолѣютъ и на этотъ разъ всѣ препятствія. Но мнѣ кажется, что пора бы задыхающимся въ своемъ концентраціонномъ лагерѣ бѣлымъ народамъ понять, что единственно разумнымъ ballance of power in Europe была бы коалиція сухопутныхъ державъ противъ утонченнаго, но болѣе опаснаго, чѣмъ наполеоновскій, деспотизма Англіи и что жестоко высмѣивавшееся Англичанами наше стремленіе къ «теплой водѣ» и высмѣиваемое теперь желаніе Германцевъ имѣть «свое мѣсто на солнышкѣ» не за-

ключаютъ въ себѣ ничего противоестественнаго.

Во всякомъ же случаѣ, присваивая себѣ исключительное право на пользованіе всѣми благами міра, Англичанамъ слѣдуетъ и защищать его одними собственными силами.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)